

АСЯ ЛАВРИНОВИЧ

ЛЮБОВЬ НЕ ПО СЦЕНАРИЮ

«Эта история обязательно
найдет отклик в вашем сердце!
Как всегда волшебно
и по-настоящему тепло».

@polinaplutakhina

Ася Лавринович
Любовь не по сценарию
Серия «Young Adult. Инстахит»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63069601
Любовь не по сценарию: Like Book; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-116812-4*

Аннотация

Агния Леманн готова на все, чтобы испортить жизнь ненавистному отчиму. И когда тот заставляет падчерицу встретиться с сыном своего партнера по бизнесу, в голове девушки рождается план. Испортить свидание, от которого зависит судьба важной сделки? Легко! Только бы убедить знакомую помочь...

У Вероники Колокольцевой настоящий дар попадать в неприятности и отпугивать симпатичных парней. Не умея отказывать, девушка соглашается на авантюру – она подменит Агнию на свидании и нарочно расстроит встречу.

Одна проблема: парень, которого необходимо «отшить», – предмет мечтаний и первая любовь Рони...

Содержание

Роня	4
Агния	16
Роня	24
Агния	33
Роня	42
Агния	61
Роня	71
Агния	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ася Лавринович

Любовь не по сценарию

Роня

Снегопад застиг нас у главного корпуса университета. Будто в небесной канцелярии какой-то непутевый сотрудник нечаянно задел локтем рубильник и сверху резко посыпался снег. Крупные холодные хлопья летели в лицо. Юлька, ненавидящая зиму в целом и снег в частности, тут же разворчалась и быстро зашагала к нашему корпусу. Я едва поспевала за подругой. Но если честно, мне в ту минуту не особо-то и хотелось спешить. Наоборот, возникло странное желание остановиться посреди этого снежного безумия и замереть на миг, прислушиваясь к нервному гудению машин и обрывкам чужих разговоров. Не знаю, почему этот внезапный снегопад привел меня в неописуемый детский восторг.

На дворе – конец января. Казалось бы, к снегу уже давно можно привыкнуть. Но таких крупных хлопьев не было ни разу за всю зиму. Юлька, только что заметившая, что я отстала, тут же вернулась ко мне и недовольно проворчала:

– Колокольцева, отомри. Мы на экзамен, между прочим, опаздываем.

– Ты только посмотри, какая красота вокруг! – восторжен-

но сказала я.

Мы с Юлей стояли посреди тротуара, и другие студенты, с хмурыми недовольными лицами, огибали нас.

– Красота? – скривилась подруга. Ее темная вязаная шапочка от снега стала белой. – Издеваешься? Я считаю, что снегопад должен идти только на Новый год. В остальное время необходимости в нем нет, и его вообще стоит запретить на законодательном уровне.

Какая хитренькая! В этом году зима в городе практически бесснежная. Все новогодние праздники я просидела дома, любуясь из окна на серый промерзлый асфальт, в то время как Юлька за городом каталась на лыжах со своим бойфрендом.

– А я люблю зиму, – упрямо сказала я. – Это самое классное время года.

В пику подруге я даже рот открыла, как в детстве, чтобы поймать на язык несколько снежинок. Юля посмотрела на меня как на умалишенную. Хмыкнула, развернулась и бросила напоследок:

– Ты еще сосульку погрызи. Детский сад, ей-богу!

Я догнала подругу. Юля схватила меня за руку и ускорила шаг, увлекая за собой. Снег валил густо, напоминая белую стену.

– Куда мы так спешим? – запыхавшись, спросила я.

– Эк-за-мен!

– Так у нас же автомат, – пожала я плечами.

За экзамен по макроэкономике мы с Юлькой получили автоматы. Поэтому единственное, что от нас требовалось, – прийти в аудиторию и сложить на стол зачетки.

Хлопья продолжали неслышно падать на нас. Студгородок мгновенно занесло снегом. Если бы про нашу историю решили снимать кино, этот день стал бы идеальным началом фильма. Тихий шелестящий снег над головами и нарядные белые улицы – все это напоминало декорации. Только с жанром я не определилась: комедия или драма? С одной стороны, без смеха многие моменты не вспомнишь, а с другой – столько слез было выплакано... И не только мной.

– Игнатов не любит, когда студенты опаздывают, – перебила мои мысли Юлька. – Он у нас еще в следующем семестре вести будет. Третьекурсники говорили, контрыч заставит сдавать. Вместо допуска. У каждого студента будет свой вариант, представляешь? Жуть! Поэтому лучше явиться к нему без опозданий. Зря мы, что ли, уже отлично зарекомендовали себя? Я его благосклонности весь семестр добивалась. К тому же мне нужно скорее освободиться, у меня сегодня много дел.

– Это каких же? – заинтересовалась я.

– Да там... – туманно отозвалась подруга. – Мама вздумала Веню в гости пригласить. Знакомиться будут.

– Вот это да! – обрадовалась я. – Неужели? Наконец-то ты решилась!

Юлька начала встречаться с Вениамином еще в одина-

дцатом классе, но до сих пор не знакомила его с родителями. А поначалу и вовсе скрывала, боясь, что мама и папа не одобряют такого парня. Веня бросил училище культуры, сварганил рок-группу и выступал с ребятами в клубах, на свадьбах и корпоративах. Парни занимались любимым делом, неплохо зарабатывали; Венька часто дарил подруге дорогие подарки, но Юля опасалась, что ее родители не поймут праздную жизнь музыканта.

«Папа тут же спросит: ну что это за работа? Как он обеспечит тебя, детей? Будто я уже за него замуж собираюсь!» – ворчала подруга. Отец Юли, Антон Сергеевич, не воспринимал всерьез ни одну из творческих профессий. Для него настоящая работа – это официальное трудоустройство, пятидневка с ежегодно оплачиваемым отпуском. И лучше всего отпуск этот проводить в местном профилактории. Антон Сергеевич настоял на том, чтобы Юля выбрала серьезную специальность – «экономику», хотя моя подруга никогда не питала особой любви к своей будущей профессии и несколько раз признавалась мне, что учиться на нашем факультете ей попросту скучно. Однако возразить отцу боялась.

Но учится Юля хорошо. В этом есть и моя заслуга. Я частенько выручаю подругу на контрольных. Сама же с детства обожаю цифры. Моя бабушка в прошлом уважаемый инженер. Любовь к точным наукам у меня от нее.

– Я сказала Вене, чтобы он не смел говорить маме с папой, что бросил колледж, – сказала Юля, отряхивая куртку

от снега.

– М-м...

– Я вообще родакам соврала, что Веня учится в нашем универе на химическом.

– Ты сдурела? – воскликнула я.

– А что такого? – Юлька дернула плечами. – Мой папа уважает химический.

– Мало ли что твой папа уважает! – горячилась я. – Врать нехорошо! Ну какой из Веника химик?

– Из Вениамина, – поправила меня Юлька. Она терпеть не может, когда я называю ее парня «Веником». Хотя сам Венька не против. К нему так все его друзья всю жизнь обращаются.

– А если Ве-ни-а-мин, – нарочно произнесла я имя парня по слогам, – проколется? Вдруг твой папа спросит у него какую-нибудь формулу?

– Какую еще формулу? – не въехала Юлька. – Делать нечего моему папе, что ли?

– Это тебе делать нечего, – сказала я. – Лепишь из своего парня другого человека.

Проигнорировав мои слова, Юля продолжила:

– В общем, нам еще по магазинам пробежаться надо. У Вени ни одной приличной белой рубашки. Все – вырвиглаз. Браслеты еще эти его, фенечки... Нет, мой папа этого не поймет.

Возмущению моему не было предела. Поэтому я просто шла за Юлькой и пыхтела как паровоз. «Встречаться-то ему

с тобой, а не с папой!» – вертелось у меня на языке, но ссориться с Юлей сегодня не хотелось. Она и так с самого утра была взвинчена. Как выяснилось, ее нервозность была связана с предстоящим знакомством Вени с родителями.

Иногда мне казалось, что Юля сама стесняется своего немного своеобразного молодого человека. Они пересеклись в гостях у общих знакомых, и Юлька по доброте душевной все-таки дала неформальному парню номер телефона. Вени долго и упорно добивался расположения моей подруги. Устраивал ей сюрпризы. Один раз во дворе написал баллончиком «Юля А., улыбнись, тебя любят!» Подругу одновременно пугали, смущали и восхищали поступки Вени. И все-таки она сдалась под напором необычного ухажера, но попыток переделать Вениамина «под себя» не оставляла. Таскала Веню по театрам и выставкам, уговорила обрезать длинные волосы... И даже запретила всем знакомым называть Веню «глупым Веником». Подруга изо всех сил старалась приблизить этого строптивого творческого парня к своему идеалу. Юле хотелось, чтобы все было, как в ее мечтах: будущий жених, студент с международного факультета, с идеальной прической и идеальной работой в будущем...

Венька капризам Юли до сих пор безоговорочно потакает. А я все в толк не могу взять: зачем он это делает? Кто разберет... Любовь такая штука – как скрутит, как вывернет наизнанку, и не на такое ради нее пойдешь.

Да, если бы про эту историю снимали настоящий фильм,

перфекционистка Юлия обязательно отвечала бы за декорации и подбор актеров. Мы носили бы идеальные костюмы, вели диалоги под идеально выстроенным светом... И снег бы весело искрился, и мир вокруг сиял. Но то кино, а это – жизнь. Все у меня в ней неидеально. Я уже представила, как выгляжу со стороны – наверняка от мокрого снега тушь размазалась на ресницах. Но мечтать все равно хотелось.

В нашем фильме мне досталась бы одна из главных ролей. Посредственно б я ее сыграла, если честно. Сыграла так, что мне обязательно вручили бы какую-нибудь глупую киношную премию вроде «Золотой малины», а на «Кинопоиске» вlepили низкий балл. Потому что актерских способностей во мне точно нет. Да и вообще нет во мне ничегошеньки интересного. И пусть Юлия часто пытается переубедить меня в обратном, я-то знаю, что я – посредственность. С математическим складом ума.

А еще в нашем фильме обязательно была бы подборка неудачных кадров, как со съемок фильмов «Марвел». Потому что я часто попадаю в комичные ситуации. И не по своей воле, честно. Просто неуклюжая. С координацией проблемы... Вот сейчас, поскользнувшись и проехавшись на пятке, я ухватила за рукав Юльку, и мы, прокатившись еще пару метров и балансируя на припорошенном снегом льду, вдвоем едва не угодили под колеса черной иномарки. Водитель резко затормозил и недовольно засигналил.

– Чего ты гудишь? – рассерженно выкрикнула Юлька, пы-

таясь освободиться от моей мертвой хватки. Я так переволновалась, что вцепилась в подругу словно клещ. – У нас вообще приоритет. Тут пешеходам уступать надо!

Водитель иномарки с тонированными стеклами и блатными номерами сдал немного назад и припарковался у обочины.

– Юль, не надо, не ругайся, – попросила я. Не люблю я все эти конфликты. От них только настроение портится.

– Вот еще, ругаться со всякими! У меня на такие глупости времени нет.

Но водитель и не думал с нами пререкаться. Задняя дверь иномарки открылась, и из машины выпорхнула Агния Леманн – девчонка с нашего факультета, первокурсница. В черной коротенькой дубленке, в мини-юбке и замшевых черных ботфортах на каблуках. Агния поправила ремешок брендовой сумки на плече и громко хлопнула дверью иномарки.

И если мы с Юлей спешили в универ, чтобы проставить «автоматы», то Леманн, вероятно, вскоре собиралась отправиться на пересдачу. Училась она плохо. Насколько я знаю, раньше Агния занималась фигурным катанием и хотела продолжить карьеру, но из-за серьезной травмы ей пришлось уйти из спорта. Обеспеченные родители запихнули дочь в наш университет на не самую легкую специальность, и Агния откровенно не успевала в учебе. Юля как-то сказала, что, когда ты всю жизнь занимаешься профессиональным спортом, тебе некогда напрягать мозги и читать умные книжки. Вообще

она относилась к Агнии пренебрежительно, считая ее стервой и выскочкой. Да к тому же не семи пядей во лбу.

Агния легкой походкой направилась прочь от машины. Настолько плавно она двигалась по снегу на высоких каблуках, что меня зависть взяла. Я тут в своих старых ботинках на тракторной подошве едва не навернулась, а она... Конечно, если ей покорился лед под острым лезвием коньков, то и со снегопадом и шпильками она легко справится. Юлька тоже почему-то замерла на месте как вкопанная, взглядом провожая Леманн.

– Агния! – послышался мелодичный женский голос.

Дверца снова приоткрылась, и из машины вышла высокая красивая блондинка. Мама Агнии, в прошлом тоже спортсменка, с детства вызывала во мне восторг. Помню, как мы с бабушкой и родителями следили за чемпионатом России, болея за фигуристку из нашего города. Движения Светланы Леманн завораживали... А те давние соревнования, на которых она занимала призовые места, я до сих пор вспоминаю с теплом. Вечерами мы сидели перед телевизором и обсуждали каждое выступление. Я мечтала поскорее вырасти и стать такой же женственной и красивой, как эта девушка на льду... И каково было мое удивление, когда я узнала, что на нашем факультете учится дочь той самой фигуристки Светланы Леманн, от которой я фанатела в детстве.

Агния обернулась и словно нехотя направилась обратно к машине. Мы с Юлей продолжали наблюдать за происходя-

щим, стоя под отяжелевшими от налипшего снега ветвями тополя.

– Какие же они... – тихо проговорила я.

– Какие? – не без яда отозвалась Юля.

– Красивые! И так похожи...

– Ничего особенного! – фыркнула подруга. – Твоя мама красивее.

С обворожительной улыбкой Светлана Леманн протянула дочери телефон, сказала ей что-то на прощание, а затем Агния быстрым шагом направилась к корпусу экономфака. Пройдя мимо, даже не взглянула в нашу сторону. Я тут же ощутила сладковатый и знакомый запах ее духов – аромат спелой вишни.

– Пф, так и думала, – укоризненно покачала головой Юлька. – Ладно, идем.

Мы засеменили за Агнией.

– Что ты думала? – спросила я.

– Что она с тобой даже не поздоровается. Интересно, корона твоей обожаемой Агнии не жмет?

– Но мы ведь с ней даже не подруги, – неуверенно возразила я.

– Роня, мы пересекаемся на всех факультетских мероприятиях, – фыркнула Юля. – К тому же ты ее репетитор. Вы с глазу на глаз занимаетесь с ней два раза в неделю, а она настойчиво делает вид, будто с тобой не знакома.

Это правда. Наша кураторша, Татьяна Борисовна, пред-

ложила Агнии мою кандидатуру в качестве репетитора. Леманн кровь из носу нужно было хорошо сдать свою первую сессию. Вроде как дома отчим держит ее в ежовых рукавицах... Я сразу согласилась, мне несложно помочь. К тому же за занятия Леманн неплохо платила. И вот, начиная с декабря, Агния два раза в неделю появлялась в нашей квартире, а после ее ухода в комнате еще некоторое время стоял запах ее любимых вишневых духов.

Мы практически никогда не разговаривали на отвлеченные темы. Только по делу. Агнии было скучно во время наших занятий. В то время как я трясла перед ней прошлогодними конспектами, Леманн брала в руки телефон, отправляла кому-то сообщения в мессенджере и загадочно улыбалась. Но я на нее не сердилась. Мне и самой мои лекции и объяснения казались ужасно скучными. Я даже немного расстраивалась из-за того, что не могу интересно преподнести материал. Тем не менее с зачетами Агния с горем пополам справилась и получила доступ ко всем экзаменам.

– Может, она просто нас не заметила? – спросила я. Впрочем, сама не веря своему предположению.

– Ага, как же! Просто твоя обожаемая Леманн задавака.

Агния первой поднялась на крыльцо, и высокий симпатичный шатен придержал ей дверь. Леманн прошла мимо него, не поблагодарив. Перед нами же с Юлькой тяжелые двери с протяжным лязгом захлопнулись. Подруга принялась снова ворчать:

– Вот козел! А нам дверь поддержать?

Сейчас я думаю, что во всем, что с нами случилось, Агния сыграла не последнюю роль. Она даже стала зачинницей... И тогда, в этом снежном круговороте, я и представить не могла, во что превратится моя жизнь в ближайшую пару месяцев. Имя Агнии Леманн обязательно нужно вписать в титры, потому что именно ей пришла в голову эта безумная идея – поменяться жизнями.

Агния

Мокрый снег залепил лобовое стекло, «дворники» активно работали. Из динамиков доносились страдания певца Уикнда, которого обожал слушать мамин водитель Вячеслав. Сама мама в это время громко разговаривала по телефону, весело обсуждая с подругой массажиста Лёнчика, закрутившего роман с их общей знакомой. Мамин нарочито счастливый голос раздражал. Она снова вела себя так, будто с утра ничего не произошло. Словно мы не ругались и не наговорили друг другу гадостей.

Каждый раз мама делает вид, что проблем нет, хотя проблем вокруг нас – целый океан. Потерпев страшное кораблекрушение, мы тонем в этих проблемах, барахтаемся в ледяной воде, от которой сводит все тело, захлебываемся, ловим воздух ртом. У меня есть возможность добыть нам с мамой спасательную шлюпку, выкарабкаться, выплыть, спастись... Но мама всячески игнорирует мои попытки помочь. Мало того, она готова утянуть и меня за собой на самое дно. Обвить вокруг моей шеи точно такую же веревку с булыжником, которую сама носит вот уже несколько лет, и утащить в вязкий ил, чтобы последнее, что я увидела, была полоска теплого желтого света – надежды на мое счастливое будущее. А все потому, что мама не хочет расстаться с отчимом, сколько бы я ни старалась открыть ей глаза на этого челове-

ка. Всякий раз, когда я завожу разговор об их отношениях, мама начинает рыдать, упрекать, давить на жалость... А закончив истерику, спустя полчаса делает вид, что ничего не было. Никаких слез и никаких упреков. Но я так не могу. С каждым днем моя ненависть к отчиму – человеку властному, грубому, черствому – только крепнет. И нет, этот мужчина не делает ничего страшного по отношению ко мне, но об маму он буквально вытирает ноги! Не понимаю, как она может это столько лет терпеть. Тем более что ни для нее, ни для меня не секрет, что у отчима на стороне есть другая женщина. Но мама требует доказательств.

Хотя перед публикой отчим все так же играет в идеальную семью. Охотно зовет гостей в дом, хвастается «домашним очагом» перед журналистами, которые по-прежнему включают его в ежегодный список богатейших людей города.

А еще это именно он настоял на том, чтобы я пошла учиться в наш университет на ненавистную специальность. И мама, несмотря на мои протесты, снова заняла его сторону, сказав мне, что отчим прав и в жизни мне это пригодится. Терпеть не могу экономический! Совсем о другой жизни я мечтаю...

Уикнд продолжал жалобно просить позвать его по имени¹, а мы из-за снегопада встали в пробку у самого университета. Я с раздражением посмотрела на наручные часы. Не хватало еще опоздать на экзамен. Хотя какая разница? Во время

¹ The Weeknd – Call Out My Name.

первой сессии я точно для себя решила, что не хочу больше мучить себя и учиться в этом университете. Несмотря на то что отчим уже выложил крупненькую сумму за обучение за весь год. А мама, будто подозревая, что я могу прогулять экзамен, вызвалась подвезти меня к универу, ведь ей все равно было по пути в салон красоты.

Наконец мама положила трубку и с натянутой улыбкой посмотрела на меня. Я боковым зрением видела, как она внимательно разглядывает мое лицо. Нахмурившись, я отвернулась и уставилась в окно на припорошенные снегом машины.

– Тебя забрать после экзамена? – спросила мама будничным тоном.

Я упрямо молчала. Мама метнула взгляд в сторону водителя, а затем снова посмотрела на меня.

– Агния, давай не при чужих людях, – прошептала она. – Кажется, мы дома уже все выяснили.

– Тебе кажется, мама, – рассерженно проговорила я, даже не пытаясь понизить голос.

Мама снова покосилась на своего водителя. Тот сидел за рулем с отсутствующим видом. Лишь незаметно прибавил громкость. Уикнд запел «Starboy», и водитель принялся пальцами отбивать в такт мелодии. Я тоже уставилась на мужчину. Вячеславу было чуть за тридцать. Черные волосы, как обычно, щедро намазаны гелем, залакированы и зачесаны назад, отчего он всегда напоминает мне пластмассового Кена.

В салоне было так тепло, что выходить на улицу в разыгравшуюся метель не хотелось. Если бы не мама... Сейчас она меня настолько раздражала, что я готова была выскочить без одежды хоть в Антарктиду. И пусть мое сердце остановилось бы от переохлаждения. Нет сил делать вид, будто в нашем доме не происходит ничего особенного.

– Агния, я утром тебе ясно дала понять... – снова начала мама все с той же натянутой неестественной улыбкой, которая в эту минуту уж точно была неуместна.

Я, не дав маме договорить, склонилась к переднему сиденью.

– Вячеслав, – громко обратилась я к маминому водителю. Мужчине пришлось снова убавить громкость. – Так, может, я все-таки здесь выскочу, а?

– Зачем? В такую непогоду... – снова подала голос мама.

– Необязательно довозить меня до самого крыльца. – Я даже не пыталась скрыть раздражение.

– Стрелка мигает, – кивнул на светофор Вячеслав. – Сейчас проскочим.

Его «проскочим» едва не обернулось аварией. Резко затормозив, Вячеслав нажал на клаксон. От протяжного громкого звука улыбка все-таки исчезла с маминого лица.

– Что там случилось?

– Да лезут под колеса всякие клуши! – проворчал Вячеслав.

– Я выйду здесь! – нервно выкрикнула я.

– Посреди дороги? Погодите, Агния, я хотя бы припаркуюсь.

Наконец я могла покинуть салон. До экзамена оставалось пятнадцать минут. В лицо тут же полетели хлопья мокрого снега. Поежившись, я направилась в сторону университета. Но не успела пройти и пары метров, как меня окликнула мама. Я обернулась. Мама помахала мне забытым телефоном. Наверное, из кармана дубленки выпал на сиденье. Чертыхнувшись, я засеменила обратно к машине.

Мама была без шапки. Ветер развевал ее длинные светлые волосы. Мама снова улыбалась, но глаза у нее при этом были ужасно грустными. Я подумала, какая же она у меня красивая и как маме идет улыбка... Но до чего ж она слабохарактерная! И снова ее напускная приветливость вызвала во мне лишь раздражение.

Выражение моего лица маме тоже явно не понравилось, потому как она тут же сделала мне замечание:

– Агния, не хмурься, морщина на переносице появится. Как у бабушки.

Я молча протянула руку к телефону.

– И прекрати этот цирк. Улыбнись мне в ответ. На нас люди смотрят.

– Пускай. Надоело улыбаться по заказу. Я уже давно не на соревнованиях. Извини. И плевать мне, кто там на кого смотрит.

Я едва ли не силой выдернула свой телефон из маминых

рук и, развернувшись, решительно зашагала к корпусу своего факультета. В голове шумело. Меня снова захлестнула злость, как в детстве, даже на глазах выступили слезы. Я шла, не замечая никого вокруг. Сегодня снова был один из таких дней, когда мама не встала на мою сторону. Казалось бы, к этому уже давно можно привыкнуть. Но я не могу. Обида все так же пронзает ребра, делая дыру в груди все больше.

В коридоре возле аудитории уже толпились ребята с потока. Я подошла к окну и бросила сумку на подоконник. Тут же ко мне подскочила Галя с раскрытой тетрадью. Она была единственной девчонкой, с которой я общалась в группе. И то лишь потому, что мы жили в одном коттеджном поселке и время от времени приходилось подвозить ее на машине до универа. Кажется, Галя даже успела запасть на мамино «Кена».

– Учила? – спросила она у меня вместо приветствия.

– Ну так, – поморщилась я.

Сама даже тетрадь не открыла. Какой толк повторять то, что вызывает в тебе лишь уныние? Перед смертью не надышишься.

В конце коридора показалась второкурсница Вероника Колокольцева с подругой – миниатюрной рыжеволосой девчонкой, которая едва доставала высокой Колокольцевой до плеча. Они напоминали мне Болека и Лелека из старого польского мультфильма. Я все время забывала, как эту рыжую подругу зовут, а та постоянно сердито пялилась на ме-

ня, будто я увела у нее парня. Впрочем, и такое не исключено. В моей жизни всякое бывало. Разве о каждом конфликте упомнишь? Я быстро опустила голову. Вот уж перед кем стыдно облажаться, так это перед Роней, а не перед преподам или отчимом. Вероника так печется о моей успеваемости, что мне даже неудобно. Ей точно нужно было идти в педагогический, а не на экономфак. Мои неуды расстраивали ее больше, чем меня. Точнее, меня мои неудачи в университете совсем не парили. Это не то, чем я болела всей душой. Последние несколько лет я горела совсем другим, до чего, впрочем, никому из моих близких не было особого дела. Поэтому что это непрестижно и не принесет мне «бабок».

Мне надоело пялиться на носки черных сапог, и я подняла голову. Тут же встретила взглядом с Вероникой. Та будто только и ждала, когда я на нее посмотрю. Мы еле заметно кивнули друг другу. А потом Роня вдруг проговорила одними губами: «Все будет...» И показала большой палец. Я лишь усмехнулась. Главное, чтобы не отправили на пересдачу. Мне бы и тройки хватило, хотя отчим по-любому разорется.

Я снова уставилась на свои ноги, крепко сжимая в руках телефон. Галя продолжала трещать под ухом, как она день и ночь готовилась к этому экзамену, но все равно сомневается в том, что сдаст. Ворчала, что снег за городом пошел раньше и ее автобус застрял на выезде в сугробе. Говорила она это с укором, мол, я могла бы и подвезти ее, но почему-то никогда

первой не звоню, а сама она совсем не любит навязываться... И бла-бла-бла.

– Ты, кажется, повторить материал хотела? – не выдержала я.

Галя тут же насупилась.

– Хотела.

– Ну так повторяй. Чего ко мне привязалась?

Галя фыркнула и, снова уткнувшись в тетрадь, наконец отошла. А в моих руках завибрировал телефон, оповещая о новом сообщении. Я взглянула на имя отправителя, и сердце заколотилось в сумасшедшем ритме. Инициалы TD. Хорошо, что сообщение не пришло в тот момент, когда я оставила телефон в машине. Если бы мама увидела...

«Встретимся через полчаса в «Пташке»? Я голоден. В другое время сегодня не могу».

«Но у меня экзамен», – напечатала я дрожащими от волнения пальцами.

«Хорошо. Тогда завтра вечером, в семь. Там же».

Я быстро ответила: «Хорошо, я обязательно буду», но сообщение так и не дошло до адресата.

Роня

В субботу утром меня разбудил телефонный звонок. А ведь так хотелось в законный выходной подольше поспать...

– Алло? – сонно отозвалась я. Вытащив ступни из-под одеяла, сладко потянулась. На улице уже давно рассвело. На голых ветвях липы, что росла напротив нашего окна, громко щебетали синицы. Из кормушки, которую мы соорудили с бабушкой и прикрепили на присосках к пластиковому карнизу, доносился дробный стук. Каждый день я добросовестно подсыпала туда пшено, чтобы по утрам просыпаться под этот счастливый птичий гомон.

– Рота, подъем! – скомандовала Юлька. – Роня, ты мне срочно нужна!

– В субботу, в такую рань? – кисло отозвалась я.

– Колокольцева, обалдела, что ли? Какая рань? Десять утра!

Я зевнула в трубку.

– Планировала до двенадцати поваляться. Тем более бабушка к подруге сегодня ушла. Та бабулю в покер играть научила, прикинь? Днями теперь в гостях пропадает. Я даже не подозревала, что бабушка у меня такая азартная.

– Ага, все это очень мило. Потом подробности расскажешь. А пока давай подтягивайся к универу. К корпусу химфака.

– К корпусу химфака? – удивилась я. – А это еще зачем?
– Давай, давай! Жду тебя.

И Юля нагло сбросила вызов. Я вздохнула. Жди, подруга, жди... Не дождешься. Хотя кого я обманываю? Я никогда не смогу отказать Юльке. И все потому, что не умею говорить людям «нет». А иногда это очень важное качество, между прочим. Оно бы так пригодилось мне в жизни...

Я откинула в сторону одеяло и нехотя поднялась с кровати. Подошла к окну, распугав всех синиц. Термометр показывал минус девятнадцать градусов. Нет, Юлька издевается! Я тут же вспомнила, как вчера вечером бабушка, предварительно спросив, есть ли у меня планы на субботу, загрузила мои теплые вещи в стирку. В том числе и пуховик. Отличная отмазка. Не пойду же я голой, верно? Одежда наверняка не успела высохнуть. Коварно улыбнувшись, я набрала Юлькин номер, но подруга не брала трубку.

– Вот зараза! – проворчала я.

Все-таки придется ехать. Что-то ведь у Юли стряслось, раз она в срочном порядке вызвала меня по телефону. И что она забыла в субботу возле универа? Тем более у корпуса химического факультета.

Пуховик, разумеется, не высох. Вязаная шапка тоже была еще влажной. Пришлось лезть на антресоли, где лежали старые шарфы, головные уборы и варежки. Я долго копошилась в сумке, пока не выудила на свет две подходящие шапки. В одной я ходила, когда еще училась в школе. Она показалась

мне совсем уж пестрой и детской. А вторая – меховая ушанка. Новая, между прочим. Родители у меня теперь работали вахтовым методом в Краснодаре, поэтому эта шапка маме была ни к чему. Я тут же нацепила ушанку и, посмотрев на себя в зеркало, страшно расстроилась. Уж до чего эта вещь к лицу маме, так совсем не идет мне... Но другого выхода нет. Вот еще, наряжаться ради Юльки! Да я туда и обратно. Тем более в субботу в каникулы у универа не должно быть много народа. Да и кто меня знает с химфака?

Я быстро умылась, позавтракала сама и покормила нашего кота Малыша, который до этого все время крутился под ногами и требовательно мяукал. Толстый, но вечно голодный, он шагу не давал ступить, пока его не накормят до отвала.

Одеться решила потеплее. Гамаши, свитер, шерстяные носки... Вместо пуховика пришлось надеть старое мамино зимнее пальто. Оно было слишком длинным даже для меня, но деваться некуда. Тем более что Юля снова уже звонила два раза, нагло поторапливая меня.

На улице ощущались все минус тридцать. Я брела от дома к остановке, громко скрипя снегом. Сверкающий, чистый, он слепил глаза. В субботу в такой мороз народу на улице было немного. Я заползла в обледенелый старый троллейбус. Зная, что сиденья здесь без подогрева, встала у входа. Смотрела сквозь морозные узоры, как мимо проплывает притихший город. Троллейбус полз мимо покрытых белой пеленой улиц,

заснеженной набережной и обросших инеем деревьев. Какая красота! Мне казалось, что я еду не к студгородку, а в гости к Снежной королеве...

Юльку я заметила у крыльца корпуса химфака. Подруга подпрыгивала на месте и вертела головой из стороны в сторону, будто не зная, откуда я появлюсь. А за приметив меня, долго и внимательно разглядывала. Затем расплылась в широкой улыбке. Когда я подошла к ней практически вплотную, Юлька уже ржала как ненормальная.

– Кто там? – спросила она, давась от смеха.

– Где там? – не поняла я. – Кто?

– Это я – почтальон Печкин, – продолжила ржать Юлька. –

Принес записку про вашего мальчика.

– Вот ты дура! – вспыхнула я, кутаясь в мамино пальто.

От мороза щипало щеки.

– А ты че так вырядилась? – не унималась Юля.

– Бабушка вчера пуховик постирала и шапку. Я вообще планировала всю субботу дома проторчать на законных основаниях. А тут ты... Чего надо-то от меня? – рассердилась я. Тащилась к ней в двадцатиградусный мороз, а она ржет, надывается.

– Да так... – замялась Юля, перестав смеяться. – Просто скучно.

– Скучно? – поразила я. – В выходной возле универа в минус миллион градусов? Ты больная?

– Что ты развопился-то, Иван Федорович Крузенштерн –

человек и пароход, — попыталась уговорить меня Юлька. — Понимаешь, меня папа сюда привез на симпозиум молодых ученых.

— А ты-то здесь при чем? — искренне удивилась я. Не смогла сдержать улыбку. — Где ученые, Адамова, и где ты...

— Да Веник меня подставил, — сердито принялась объяснять Юлька. Раз уж подруга назвала своего парня «Веником», значит, действительно сильно на него злится. — Когда я с папой его знакомила, он согласился студента-химика изображать. Даже не прокололся ни разу. Про опыты разные рассказывал. Ты, кстати, знала, что в домашних условиях можно сделать плавающие мыльные пузыри?

— Плавающие? — выдохнула я, выпуская пар изо рта.

— Ну да. При помощи соды.

— Очень интересно.

— Только надо еще аквариум с широким дном. У вас дома нет такого аквариума?

Я только поежилась:

— Юля, у меня от холода ноздри слипаются. Нельзя ли побыстрее? На фига ты вообще меня позвала?

— Венька все про опыты заливал, в издевку папе моему сказал, что кандидатскую потом напишет по химии. Представляешь? А перед своим уходом такую подлянку учинил... Говорит, ваша дочь, дядя Антон, благодаря мне так полюбила химию! Все хотела на студенческий симпозиум ученых попасть, но приглашительные еще в ноябре разобрали. Но

мне удалось достать для нее проходку... Вот!

Юлька полезла в карман дутого пуховика и достала оттуда какой-то билет. Принялась трясти им у меня перед носом. Я даже не сразу разобрала, что там написано...

– Низкотемпературный синтез гибридных систем магнетита и маггемита с диоксидином, – протарабанила подруга, поняв, что я все-таки не смогу это прочесть. – Я пока в фойе толкалась, тебя ждала, наизусть все заучила. Не знаю, где этот гад билет на химический симпозиум взял, только папка мой в восторг пришел. Говорит, это так интересно, я тебя с утречка отвезу и встречу, чтоб ты по морозу не шаталась. Нет, ну ты прикинь?

Теперь настала моя очередь злорадно хохотать. Аж в горле защипало.

– А сам Венька где?

– Где, где... На репетиции! У них сегодня корпорат. Свадьба. Если он думал, я два часа буду на этих лекциях сидеть, то у него с головой не в порядке. Прошвырнемся по студгородку? Пока папа не приехал. Только мне к часу снова нужно здесь быть. Давай где-нибудь посидим?

– Ты врешь, а мне страдать, – вздохнула я. Юлька взяла меня под руку, и мы, хрустя снегом, побрели вдоль белой аллеи. – По такому морозу тащилась к тебе через весь город...

– Да ладно. Вон шапка на тебе какая теплая! – с издевкой произнесла Юлька.

– Да иди ты.

– Серьезно, где взяла?

– Это мамина.

– А-а...

В субботу студентов на улице было мало. Сессия подходила к концу, впереди каникулы. Мы с Юлькой шли молча, думая каждая о своем. Я, конечно же, злилась на подругу, но в то же время и злорадствовала, что Венька наконец решил проучить свою девушку. Интересно, с чего это вдруг он так осмелел? Получилось здорово. Правда, зная мстительную Адамову, я сомневалась, что она это так просто оставит.

– Что там, кстати, с покером у твоей бабушки? – нарушила тишину Юля.

– Давай в тепле поговорим, – ответила я. – Холодно. Вот доберемся до кафе...

Однако, едва мы добрались до кафе, нас постигло разочарование. На стеклянной двери красовалась табличка: «Закрыто по техническим причинам».

– Закрыто? – возмутилась Юлька. Мы припали к стеклянной двери, пытаясь разглядеть, что творится в зале. Несмотря на шерстяные носки, ноги замерзли. И пальцы на руках тоже окоченели. Все, о чем я сейчас мечтала, – это чашка горячего шоколада. Или хотя бы просто попасть в теплое помещение... Я бы даже прослушала лекцию о каких-то там системах магнетита и маггемита, но у Юльки была только одна проходка. А снова торчать в фойе она отказалась из-за охранника, который выгнал ее из корпуса химфака.

В главном зале стулья были перевернуты. Из подсобного помещения вышла девушка с ведром и половой тряпкой в руках. Она так сердито посмотрела на нас, что мы с Юлей тут же отпрянули от двери.

– Трубу, наверное, прорвало, – со знанием дела сказала Юлька. – Нас несколько раз так затапливало. Блин, как не вовремя-то!

У меня от холода уже язык не ворочался. Поэтому я просто молча запрыгала на месте.

– Ладно, пойдем обратно к корпусу, – вздохнула Юля. – Скоро уже папа придет. И тебя до дома подбросим.

– И как же я тут оказалась? – хмыкнула я.

– А Венька и тебе, как моей лучшей подруге, любовь к химии привил.

– Ага. Ну-ну. Вот видишь, Адамова, до чего вранье твое доводит. Потому что нечего за нос водить собственных родителей. И из Веника непонятно кого лепить. В итоге в дураках ты осталась. И я заодно. Не удивлюсь, если после нашей прогулочки с температурой слягу.

– Ой, святоша. Можно подумать!

– Что «можно подумать»? Мне бы и в голову не пришло такой ерундой заниматься...

Лениво препираясь, мы добрались до светофора и остановились. Я уставилась в сторону на проезжую часть, наблюдая, как к университету снова ползет мой троллейбус, который двигался по кольцевому маршруту.

– Мороз! – внезапно воскликнула Юлька, поглядывая на другой конец дороги. Зеленый свет для машин сменился на оранжевый.

– Еще какой! – шмыгнув носом, согласилась я. Нос и щеки так сильно щипало, что я, наплевав на все, намотала шарф на лицо. Теперь только одни глаза торчали.

– Да нет же, Денис Мороз, на той стороне улицы, смотри сама!

Сердце тут же забилось быстрее. Теперь нам загорелся зеленый, но я встала как вкопанная.

– Скорее же! Упустим! – Юлька схватила меня за руку и потащила за собой.

Агния

Со скрипом мне удалось сдать экзамен на тройку. Разумеется, такая оценка отчима не устроила, и дома меня ждал скандал. Монотонная сердитая речь эхом разносилась по просторной светлой столовой. Я сидела на одной стороне длинного дубового стола, отчим – на другой. Мама крутилась рядом с мужем, закатывала глаза, заламывала руки и постоянно оправдывалась, будто это ей поставили тройку. Что ж, в ее спортивной карьере за артистизм она всегда получала высшие баллы. Однако нередко мне казалось, что она просто переигрывает.

– За три экзамена три тройки! – возмущался отчим. – Ты вообще не стараешься?

Сам-то он окончил престижный вуз в Москве и после учебы стажировался за границей.

– Три тройки за три экзамена – все точно, как в аптеке, – усмехнулась я, скрестив руки на груди. – Бог тоже троицу любит.

– Ты еще и издеваешься? Света, она издевается? С Господом себя сравнивает!

Мама положила руки мужу на плечи.

– Олег, не нервничай. Хочешь массаж?

Но отчиму массаж был не нужен. Поморщившись, он скинул мамины руки.

– Олег, Агния – гуманитарий, – смутившись от его поступка и быстро взглянув на меня, сбивчиво начала мама. – Ну не дано ей...

– Я за что такие бабки плачу? – прогремел отчим. – Чтоб она меня перед друзьями позорила?

Он вечно попрекал меня этими «бабками». В детстве, начиная с нечаянно сломанных игрушек, которые я у него особо и не просила, заканчивая фигурным катанием. Ведь у меня были лучшие костюмы, коньки, постановки. А сколько требовалось средств на услуги тренера, аренду льда, летние сборы, дополнительные занятия по хореографии и актерскому мастерству... Для такой мелкой и недостойной меня все это стоило больших «бабок» отчима.

– Да ладно тебе, не завалила же, – пожала я плечами. – Тройка – тоже оценка.

– Но не для чемпиона! Не узнаю тебя совсем! Ты же с детства боец, упрямая... Куда подевался твой азарт, спортивный интерес, желание быть во всем первой?

Вот именно – ин-те-рес. Он появляется тогда, когда тебе что-то интересно. Меня же совершенно не волновала учеба в университете.

– Когда у тебя последний экзамен?

– В среду, – буркнула я.

– Если и его сдашь на трояк, никакого тебе моря в этом году.

Я вяло возмущалась, зная, что лето и так проведу не на

курорте. У меня другие планы. Но посвящать в них маму и отчима я пока что не собиралась.

– Ладно, постараюсь, – сказала я, выходя из-за стола. Надоело слушать, как мне читают нравоучения.

– Агния, а может, ты позанимаешься еще с той девочкой, Вероникой? – крикнула уже в спину мама.

– Я ей позвоню, – раздраженно пообещала я, поднимаясь к себе на второй этаж.

Стены давили и душили. Моя комната вдруг показалась мне совсем крошечной. Эти «семейные душевные» беседы выматывали. Особенно было неприятно наблюдать, как мама лебезит перед отчимом. Олег, Олег, Олег... Ненавижу все это.

Достала из-под подушки карандаш и «Молескин» и принялась нервно выводить линии. Вскоре на странице появился карикатурный рисунок. Портрет очень быстро стал напоминать отчима. Только лысина была нарочито больше, чем есть на самом деле. Я пририсовала мужчине большой уродливый рот, из которого вылетали мухи... Отчим никогда не относился к моим рисункам серьезно. Да он и не видел ничего толком, кроме похожих шаржей, которые я на потеху рисовала для его гостей.

«И кого ты хочешь этим удивить? – злорадствовал он. – А как будешь деньги на жизнь зарабатывать? Рисовать такие же шаржи на отдыхающих в Геленджике?»

Я захлопнула скетчбук и взяла телефон. Долго не реша-

лась написать сообщение, так как знала, что вечером писать ему нельзя. Он этого не любит. Но все-таки быстро набрала: «Завтра все в силе? Надеюсь, я не разочаруюсь».

Ответа долго не было, и я уже вся извелась. Снова взяла скетчбук и теперь на полях выводила абстрактные каракули. О том, что мне нужно готовиться к предстоящему экзамену, я не думала. Ответ пришел, когда я уже практически отчаялась.

«В силе».

Засыпала я в легком приятном мандраже, будто за ночь произойдет какое-то чудо, а проснувшись, с самого утра я найду все свои сбывшиеся мечты под елкой.

Мама разбудила меня рано. Она была слишком приветливой и заискивающей, чем сразу насторожила. На завтрак я собиралась назло долго, хотя знала, что отчим не любит, когда я задерживаюсь. Но и он сегодня, вместо привычных наравоучений, пожелал мне доброго утра и даже спросил, как спалось.

За большими панорамными окнами виднелся укутанный снегом лес. Лучи восходящего солнца сверкали в верхушках сосен. Я вспомнила то приятное чувство предвкушения, которое испытывала перед сном, и незаметно улыбнулась. Положила салфетку на колени и потянулась за омлетом.

– Агния, какие у тебя планы на выходные? – вдруг спросила мама.

Я замерла с вилкой в руке и настороженно посмотрела на

родительницу. После вчерашней вечерней взбучки за очередной трояк они с отчимом выглядели слишком уж воодушевленными. Что успело произойти с утра пораньше?

– Тебе нужно почаще бывать на свежем воздухе, – добавил отчим. – Что-то ты у нас бледненькая. В лесу совсем не бываешь? Может, после сессии тебя отправить на какой-нибудь курорт на лыжах покататься?

Я даже поперхнулась и закашлялась. «У нас»? «Бледненькая»? Что происходит? И если встречать новый день с неискренней улыбкой – это вполне в мамином репертуаре, то отчим точно никогда не будет делать вид, что все чудесно, и изображать из себя заботливого папочку. В психиатрии есть такое понятие, как синдром Капгра. Это когда пациент верит, что кого-то из его близких заменил двойник. Вот мне сейчас показалось, что я – больная. А за столом по правую руку от меня сидит совершенно неизвестный мужчина. Я определенно сошла с ума. Куда делся мой настоящий отчим?

– Спасибо, конечно, за такое заманчивое предложение, – откашлявшись, сказала я. – Но говори сразу, что тебе от меня надо.

– Агния! – ахнула мама.

Отчим лишь хрипло рассмеялся.

– А вот это уже деловой подход. Иногда думаю, что с тобой не все потеряно...

И он как ни в чем не бывало вернулся к завтраку. Они с мамой просто продолжили есть, не закончив разговора, чем

страшно нервировали. Знали ведь, что я заинтригована. Но я тоже упрямая. Им что-то от меня нужно, не мне. Расспрашивать не буду. Поэтому мы просто молча завтракали. Мама все-таки не выдержала:

– Агния, ты помнишь Игоря Юрьевича?

– Нет, – честно ответила я.

– Он был несколько раз у нас дома, когда ты была совсем маленькой, – подсказала мама.

– Тем более, откуда я должна его помнить? – равнодушно пожала я плечами.

– Они с Олегом были близкими друзьями, а потом Игорь с семьей уехал жить в Англию.

– Везуха.

– Теперь вот вернулись в Россию...

– Сочувствую.

– Прекрати перебивать мать! – вышел из себя отчим. Лицо его тут же стало озлобленным. Я лишь улыбнулась уголком губ. Вот теперь я его узнаю. Ненадолго учтивости хватило. – В общем, сейчас Игорь вернулся в Россию, и теперь у меня есть возможность слияния бизнеса...

– Ты тоже можешь свалить за бугор, надеюсь? – невинно поинтересовалась я.

– Огорчу тебя, но пока не собираюсь.

Я ела, не глядя на него, но чувствовала на себе тяжелый взгляд. Мы умели выводить друг друга.

– Ты должна сходить на свидание с его сыном. Мы так

с Игорем решили, – выдал вдруг отчим.

– Чего-о? Вот еще. Нет!

Я посмотрела на маму. Она уткнулась взглядом в тарелку.

– Я думала, что к завтраку спустилась, а не на шоу «Давай поженимся». Ты давно Ларисой Гузеевой стал?

Я нервно расхохоталась, но моя шутка не зашла. Возникла напряженная пауза.

– А сюрприз от жениха будет? – продолжила я.

– Агния! – наконец посмотрела на меня мама.

– В прошлом Игорь во мне мог усомниться, – нехотя признался отчим. Он часто вел не самую честную игру в бизнесе, поэтому я не удивилась. – Теперь мне нужно оправдать его ожидания и снова втереться в доверие. И если бы мы породнились...

– Породнились? Это шутка? Мам, ну скажи же, что шутка?

Я негодовала. Значит, свиданием все может не ограничиться? Отчим вот так подкладывает меня под какого-то незнакомого парня ради своего бизнеса, а мама молчит?

– Там очень хороший мальчик, – улыбнулась родительница.

– Да плевать мне, какой там мальчик! Хоть золотой!

– Вы с ним подружитесь, – продолжила мама. Она будто не слышала моих слов!

– Идиотка, там такие бабки огромные крутятся, такие перспективы, – продолжил психовать отчим.

– И на бабки твои плевать! Тебе они нужны, не мне, я тут при чем?

– Ах, тебе не нужны, значит, дрянь ты неблагодарная! – завопил отчим. – А лицо ты чем каждый день малюешь? Шмотки какие носишь? Ведь не абы что, верно? Тебе бренды подавай! Сходишь на свидание, не развалишься. Хотя какой-то от тебя впервые прок будет. И только посмей меня опозорить перед Игорем и его семьей!..

А вот это он уже зря сказал. Ко мне тут же вернулось хорошее настроение. И солнечные лучи над лесом засветили еще ярче.

– Хорошо, – внезапно согласилась я. – В конце концов, всего одно свидание...

Мама с подозрением покосилась на меня. Уж больно быстро я согласилась на это предложение. Отчим же ничего не сообразил. Продолжил жевать с невозмутимым лицом.

– А ты дашь мне денег на новую сумочку? – захлопала я глазами, изображая из себя полную идиотку. Раз уж он считает, что меня в жизни ничего, кроме шопинга, не интересует... Пусть отстегивает свои любимые «бабки».

– Дам. Но ты уж так меркантильно с Игоревым сынком себя не веди. Он такое не любит. Скрой свою сущность. Чтобы все прилично.

– Прилично, прилично, – закивала я. – Как же иначе? Явно наклеывалось кое-что интересное.

– И последний экзамен в среду сдай хотя бы на четверку.

– Я сегодня же позвоню своему репетитору! – клятвенно пообещала я. Мама уже смотрела на меня с недоверием, и деланая улыбка слетела с ее лица.

– Молодец, – сухо похвалил отчим. – Давай только без сюрпризов...

Я тут же вспомнила о сегодняшней встрече. Мой дорогой, боюсь, без сюрпризов не получится.

Роня

Стоит мне только услышать фамилию «Мороз», как душа моя начинает петь, язык неметь, а колени от волнения подгибаться. Ведь я тайно влюбилась в этого парня еще в школьные годы... Ну, как тайно? Разумеется, для Юльки моя большая первая любовь не была страшным секретом. И раньше она не упускала возможности подколоть меня по этому поводу. Все предлагала «выйти из сумрака», «заявить о своих чувствах». Но как я могла это сделать? Кто я и кто Он...

Денис учился в элитной гимназии вместе с Юлей. Адамова попала в престижное учебное заведение благодаря своему отцу. Антон Сергеевич преподавал в гимназии математику. Юлька вечно жаловалась на своих избалованных и тупых одноклассников-мажоров. А вот о Денисе отзывалась даже с каким-то благоговением. И это язвительная и критикующая все и всех Юля! Еще тогда мне нужно было насторожиться, что ж за старшеклассник там у нее такой... Но я не придавала особого значения ее рассказам. Пока не увидела фотографию таинственного Мороза. Случилось это в восьмом классе.

Как-то после школы, дождавшись Адамову, я завалилась к ней в гости. Уроки у нас заканчивались в одно время. Только я ходила в ближайшую общеобразовательную школу и дома появлялась раньше, ведь Юле приходилось ездить в свою

гимназию к черту на кулички и возвращалась она позже.

В тот день мы ели чипсы, запивая их ледяным «Доктором Пеппером», и смотрели какой-то глупый ужастик. Внезапно Юлька, будто только что-то вспомнив, нажала на паузу (на самом волнующем моменте, между прочим) и бросилась к рюкзаку, который валялся рядом с диваном. Из него выудила тоненький глянцевый журнал.

– Чуть не забыла! Вот, – гордо сказала подруга.

– Что это? – удивилась я, принимая из рук Юли раскрытый журнал.

– Наш школьный журнал. Тут есть моя заметка. Помнишь, мы ходили на спектакль, «Три сестры» по Чехову? Я написала рецензию. Знаешь, Роня, я теперь кто-то вроде театрального критика в нашей школьной редакции. Маму вот уламываю, чтобы она нам с тобой еще билеты в театр достала. Пойдешь со мной? Одной скучно, такая тягомотина!

Я усмехнулась. Вспомнила, как Юлькина мама уговаривала нас сходить на этот спектакль. Она работала в местной газете в отделе маркетинга, и рекламодатели часто делились билетами на различные городские мероприятия. Юля долго отнекивалась, мол, театр – скука смертная. В итоге на спектакль мы все-таки пошли. И Юлька осталась в восторге. Правда, не от постановки, а от бутербродов с севрюгой в буфете. Если б они не были такими накладными для наших карманных расходов, то она слопала бы их все.

– Как же тебе удалось заделаться театральным крити-

ком? – удивилась я, пробегая глазами по рецензии. Писала Юлька толково. Сложилось впечатление, что постановкой она действительно прониклась. И откуда что взяла? Мне же тогда казалось, что Адамова весь спектакль с кем-то переписывалась в телефоне.

Подруга отмахнулась.

– Да проще пареной репы. Редактор спросила, кто театр любит. А я вспомнила, что мы с тобой в пятницу на спектакль идем, ну и сказала, мол, рецензию им могу написать. Рецензия всем понравилась. Я сама не ожидала! А редактор, выпускница, она важная такая... На журфак МГУ собирается поступать, между прочим. В общем, она спросила, как часто я в театр хожу. Я и ляпнула, что ни одной постановки не пропускаю.

Я цокнула языком и провела пальцами по глянцевой красивой бумаге. Вспомнила про нашу школьную газету – сляпанное кое-как и распечатанное на принтере «нечто». А тут – настоящий глянец! Хотя сейчас на витрины газетных киосков отправляй. Вот что значит элитная гимназия. И зачем так заморачиваться ради школьной газеты?

– Когда-нибудь, Юлька, ты сама запутаешься в своем вранье!

– А что я должна была сказать? – заорала Юля. – Упускать такой шанс? Да кто восьмикласснице доверит писать в школьном журнале? Я там до этого спектакля одними распечатками занималась, а тут – целая рубрика! Нет, я была бы

дурой, если б от возможности обозревателя отказалась...

«Школьный обозреватель» важно скрестила руки на груди и, надувшись, уселась на диван. Я же закрыла журнал и положила его на колени, приготовившись продолжить смотреть ужастик. И только тут обратила внимание на обложку. С нее на меня смотрел восхитительный блондин модельной внешности. У меня от взгляда на него даже дыхание перехватило. Парень на фото был до безумия красивым, его взгляд – добрым, лучистым, а улыбка... Такая улыбка сможет сжечь даже самое заиндевелое сердце. Внезапно мне стало так хорошо на душе, будто счастье заполнило меня всю, от пяток до самой макушки. В ту минуту я подумала, что, наверное, именно так и влюбляются. Тебе вдруг просто становится очень хорошо и спокойно.

– Это кто? – спросила я чуть охрипшим голосом. Не хотелось выдавать свое беспокойство.

– А, это? Ну я же тебе сто раз про него рассказывала, а ты не слушала! Это тот самый президент нашей гимназии, Денис Мороз. Красавчик, да?

– Симпатичный, – словно нехотя согласилась я. А у самой сердце трепетало. – И фамилия прикольная.

– Одиннадцатиклассник. У его отца кондитерская фабрика в нашем городе. Его батыю в шутку Шоколадным Королем называют. А Денис, получается, – Шоколадный Принц. Причем не такой, которого разломаешь, а внутри пустота... Там внутри сладкая и вкусная начинка. Мороз знаешь какой

классный? Курирует наш журнал и со мной общается на равных. Несмотря на то что я младше. Короче, все девчонки от него в восторге.

Я по-прежнему пялилась на обложку, не в силах отвести взгляд. В журнале было большое интервью и поздравление гимназистов с предстоящим Новым годом. Мне тут же захотелось зачитать это интервью до дыр и узнать о парне как можно больше.

– Он в начале зимы девчонку из реки вытащил, – с гордостью сказала Юлька, будто лично помогала президенту гимназии вытаскивать из холодной воды бедняжку. – Она под лед провалилась. А Дениса к награде МЧС представили.

Это было уже слишком для моего хрупкого девичьего сердца. В тот вечер я ушла от Юльки, тайком прихватив с собой журнал с ее первой театральной заметкой. Подруга сделала вид, будто ничего не заметила, и про этот журнал больше не спрашивала, словно его и не было. Только чаще стала рассказывать о Денисе, делая при этом такое загадочное заговорщическое лицо, что мне хотелось ее треснуть. Но я старалась себя никак не выдавать и волнения не показывать.

Я сразу же нашла Дениса во всех социальных сетях. Так началось мое «сталкерство». Не было ни дня, чтобы я не заходила на его страницы. Следила за каждой новой публикацией и комментариями. Вскоре я знала о буднях этого парня практически все.

Читая романы девочек, представляла себя и Дениса в ка-

честве главных героев, отчего всякий раз по коже пробежали мурашки. Это незнакомое мне ранее, но очень приятное и теплое чувство сводило с ума. Я любила Дениса такой любовью, какой любят актеров, певцов... Этот парень казался мне таким же недосыгаемым, несмотря на то что мы жили в одном городе. Однако понимание того, что мы все равно никогда не сможем познакомиться, грызло меня изнутри. Ну какая я пара Морозу? Как такое вообще возможно? Мы учимся в разных школах, живем в разных районах, к тому же он на три года старше. Парень из обеспеченной семьи, у нас совсем разные интересы и разные компании. Мы никогда с ним не пересечемся... По крайней мере, пока.

А летом я узнала от Юльки, что Денис уезжает учиться в Англию. Это для меня стало ударом. Теперь мне точно не светило познакомиться с ним лично. А ведь меня грела надежда, что через пару-тройку лет я стану взрослой и уверенной в себе девицей; мы встретимся, и Денис обязательно влюбится в меня с первого взгляда, точно так же, как я влюбилась в него. Но в то лето я совсем потеряла надежду. Уже до Туманного Альбиона мне точно не добраться...

И вот теперь мы с Юлькой зачем-то тащились за предполагаемым Денисом по улице. А ведь я даже не была уверена, что этот таинственный незнакомец впереди нас – Мороз. Я сверлила макушку высокого парня в удлиненном модном пуховике и черной шапке. Скорее всего, Юлька обозналась. Но сердце взволнованно стучало. А если это все-таки он и

сейчас вот-вот обернется? Спросит, кто мы такие и зачем его преследуем... Мне казалось, что снег под нашими ногами скрипит так сильно, что оглушает все вокруг.

— Интересно, как давно он приехал из Англии и что забыл в наших краях? — Юлька произнесла это так громко, что я совсем онемела от ужаса. А если он нас услышит? Я от волнения еле-еле передвигала ногами. — Неужели за границей работы хорошей нет? Глупости такие!

— А ты уверена, что это он? — наконец проговорила я глухо сквозь шарф.

— Проверим? — Юля коварно заулыбалась.

— А как?

— Нужно, чтобы он обернулся.

И мы продолжали молча идти за ни о чем не подозревающим парнем.

— Познакомишься с ним? — вдруг спросила Юлька.

— Обалдела? — Несмотря на сильный минус, меня бросило в жар.

— Давай же, ну! Такой шанс...

— А если это не он? — сомневалась я. Хотя знакомиться все равно не решалась. Тем более в таком прикиде. Хватило с меня и того, что Юлька обсмеяла и назвала Печкиным.

Когда мы проходили корпус первого студенческого общежития, Юлька вдруг странно вздохнула, словно воздух в легкие набрала. Я испугалась, что она выкрикнет его имя, но Юля подставила меня иначе. Подруга сначала слегка приот-

стала, а затем я и ахнуть не успела, как в спину Денису с глухим стуком прилетел большой снежок. Парень тут же остановился и обернулся. Уставился на меня. Я не придумала ничего лучше, как тоже обернуться и высказать свое недовольство Юльке. Но Юльки за мной не было! Эта мелкая пронира успела заскочить за угол общаги, и теперь я стояла одна посреди пустой заснеженной улицы.

Кажется, я простояла как вкопанная целую вечность. А потом снова медленно повернулась к удивленному Денису. Все-таки это был он! Его выразительные голубые глаза и разрумянившиеся на морозе щеки. Он такой милый! И я впервые вижу его вживую, а не с экрана смартфона. Я тут же вспомнила свой внешний вид, и мне захотелось испариться. Уши от ушанки наверняка торчат в разные стороны, пальто это совсем на мне не сидит... Хорошо, что я лицо шарфом закрыла.

– Это вы сделали? – спросил у меня Денис.

Я. Впервые. Слышу. Вживую. Этот. Голос. Ма-моч-ки...

Колючий холодный воздух взволнованно дрожит.

Я продолжала стоять и хлопать глазами – единственное, что было видно на моем лице из-за шарфа.

– Зачем вы это сделали? – снова спросил Денис. Его тон стал раздраженным. Понял, что, скорее всего, от меня не добиться никакого толку.

О. Мой. Бог. Он смотрит прямо на меня! Он тоже видит меня впервые! Мы встретились! Все так, как я когда-то меч-

тала... Ну, практически.

Если бы о нас снимали фильм, сейчас бы режиссер точно выкрикнул: «Так! Стоп!» Мне бы принесли чашку горячего кофе, чтобы я отогрелась и немного успокоилась. Я бы пила капучино, а Денис подошел ко мне, спросил мое имя, сказал: «А мы теперь партнеры по съемочной площадке. Ты читала до конца сценарий? У нас должна быть одна сцена...»

Колокольцева, ну о чем ты думаешь? Какая сцена? Дура! Тебе уже два вопроса задали... От своих глупых мыслей я глухо рассмеялась в шарф.

Лицо Дениса стало совсем растерянным. Нужно мотать! А куда? Мысли хаотично метались в голове. Куда бежать? За общагу? А если он тут же погонится за мной?

А потом мне пришла в голову совершенно дурацкая идея. Я решила бежать вперед, по пути пихнув дезориентированного Дениса в сугроб. Где наша не пропадала? Пока он, совершенно обалдевший от моей наглости, поднимется на ноги, меня и след простынет. Тем более я уже и так тут опозорилась дальше некуда. Общаться с ним сейчас точно не смогу. Я так разволновалась, что в ту минуту членораздельно и слово «мама» бы не произнесла.

Как рассерженный молодой бычок, я взяла курс прямоком на Дениса. Тот тут же вытащил руки из карманов пуховика, готовясь к моему нападению. И чем я думала, решив, что смогу толкнуть в сугроб рослого парня? Денис ловко поймал меня, и, не удержавшись на ногах, мы оба повалились в су-

гроб.

Падать на парня своей мечты оказалось приятно. Ну а как иначе? Правда, еще и очень волнующе. У меня во время этого секундного полета вся жизнь перед глазами пролетела, как перед смертью. Хотя... О чем тут говорить? В тот момент я действительно чуть не умерла!

На мгновение даже зажмурилась от страха и слепящего белоснежного снега. Но потом все же осмелилась и посмотрела на Дениса. Впервые так близко увидела его небесно-голубые глаза. Заметила, как на темных ресницах тает снежинка...

Из-за этого несчастного шарфа на лице сейчас я, скорее всего, похожу на черепашку-ниндзя. Мне всегда больше всех из них нравился Микеланджело. Он такой веселый... Снова я думаю не о том.

Денис не шевелился. Так и замер, заглядывая мне в глаза, отчего мое сердце восторженно замерло. Я лежала на парне своей мечты. Да, пусть на мне сегодня эта ужасная шапка с оттопыренными ушами, лицо замотано шарфом, а сама я не могу проронить ни слова. Но разве я могла еще вчера мечтать о таком?

– Пытаюсь понять, кто ты и чем я тебе насолил, – наконец сказал Денис, перейдя на «ты». Он мог бы перейти и на английский, и на эстонский, и на марсианский. Все равно от смущения, паники и нагрянувших чувств я не смогла бы ему ответить.

Я молча продолжала пялиться на парня. В какую же глупую ситуацию попала из-за Юльки! Чем дольше все это длится, тем глупее я себя чувствую. Я попыталась встать, но парень так и не выпускал меня, внезапно крепче прижав к себе.

— Э-э-э... Кристина? — продолжал гадать Денис, глядя мне в глаза. — Это ты?

Сравнение с какой-то Кристиной почему-то оскорбило меня до глубины души. Стало совершенно ясно, что пора сматывать удочки. И я, принявшись вырываться из объятий (клянусь, нечаянно!), так заехала Денису локтем в живот, что тот взвыл от боли. Зато тут же ослабил хватку. Вскочив на ноги, я покачнулась и, разумеется, не удержав равновесия, позорно угодила лицом в сугроб. Как именинник в торт. Подняла голову и промычала от холода и стыда что-то нечленораздельное. А Денис, расхохотавшись, снова схватил меня за руку и потянул на себя. Он решил, что у нас любовные игрища такие, что ли? Я продолжала мычать, словно глухонемая, и вырываться. Не придумав ничего лучше, свободной рукой набрала горсть снега и обрушила Денису на лицо. Кажется, даже за шиворот попало. Парню тут же снова стало не до смеха, и он охнул еще раз. Пока отплевывался, я кое-как, неуклюже (чертово длинное пальто) наконец поднялась на ноги и понеслась теперь уже в сторону общаги. Бежала быстро, не оборачиваясь. Снег визжал под ногами. От позора щеки горели. Внезапно снег заскрипел еще громче, теперь уже прямоком за моей спиной. Денис гонится за

мной! Совершенно точно! Конечно, кому понравится, когда какая-то городская сумасшедшая кидается снегом в лицо? Я ускорила. Миновала общагу, мимо замельтешили украшенные инеем деревья. Вокруг было белым-бело...

Когда дыхание совсем сбилось, решила зачем-то обернуться и посмотреть, есть ли у меня хоть какое-то преимущество. Конечно, я теряла драгоценные секунды, но от быстрого бега так пересохло в горле, да и сердце уже едва не выскакивало из груди... И каково же было мое удивление, когда я обнаружила за собой довольную раскрасневшуюся Юльку. Слоновий топот за спиной принадлежал Адамовой. Эта дурында просто молча бежала за мной!

Тогда я тут же резко затормозила и пихнула подругу.

– Идиотка! Почему сразу не сказала, что это ты? – накинулась я на Юльку, но та, согнувшись пополам, уже зашлась от хохота. Подруга смеялась до тех пор, пока с дерева, под которым мы стояли, не шлепнулся снег. Прямо Адамовой на голову.

– Это ты идиотка! – отсмеявшись, сказала Юля. – Уф, погоди, дай отдышаться! Аж горло с тобой разболелось! Я ей такой шанс дала, а она...

– Шанс? – завопила я. – Да ты меня подставила!

– Это был повод для знакомства, – возразила Юлька.

– Но я не хотела с ним знакомиться! – отрезала я.

– Ой уж! – Юля поморщилась. – Будто я не знаю, как ты к Морозу относишься. А тут такое событие – он вернулся

домой. Вот где бы мы еще пересеклись с ним? А вокруг – ни души. Знакомься – не хочу. Флиртуй – не хочу. Но нет же, ты на него поперла, как баран на ворота...

Я только криво улыбнулась. Да уж, в экстремальных ситуациях я совсем не умею себя вести. Сразу теряюсь и делаю глупости. А уж если дело касается симпатичных парней... Пиши пропало.

– Но как же можно флиртовать после снежка в спину, да еще и в таком прикиде? Ты об этом подумала? – не отступала я.

– Ронечка, ну прости! – выдохнула Юля. – Но мне так хотелось скорее действовать. Ты же меня знаешь. Сначала сделаю, а потом думаю. Я просто решила, что такая классная обстановка вокруг, вы обязательно должны познакомиться... Прости, Ронечка, прости, прости! Я хотела как лучше. Я ведь совсем не ожидала здесь Дениса увидеть. Нет, ну ты представь, он снова вернулся в Россию...

Внезапно мне сделалось так хорошо на душе. Внутри стало тепло и светло, будто я впервые в жизни увидела солнце. Да, Денис Мороз снова каким-то сумасшедшим образом появился в моей серой жизни. Мне вдруг захотелось обнять весь мир и никогда его не отпускать. Наконец я стащила шарф с лица и рассмеялась. Мой нелепый наряд, симпозиум по химии, прорванная труба в кафе, снежок в спину Дениса, «сугроб» на Юлькиной голове... На меня вдруг напал истерический хохот.

– Ты бы слышала, как я там ругалась сквозь шарф! – смеюсь, рассказывала я. – Как мокрый бандит из «Один дома»! Во рту все слова перепутались от волнения!

– Я видела из-за угла, как ты там в снегу брыкалась, – смеялась в ответ Юлька, попутно отряхивая снег с шапки. – Слушай, жалко, на тебе валенок не было. Ты бы один точно в сугробе оставила. Как Золушка... Представляешь, Мороз тебя бы потом по всему университету с этим валенком разыскивал?

– Перестань! – хохотала я. У меня даже щеки заболели. От смеха, бега, всего пережитого было не холодно, а жарко. – Ну какие валенки?

– А что? – продолжала веселиться Юлька. – К твоей ушанке бы очень подошло.

– Надеюсь, если мы еще когда-нибудь встретимся, он меня не узнает. Господи, так неудобно! Еще и снегом в лицо. Как стыдно...

Хорошо, что вскоре после всех событий нас на машине забрали Юлькины родители. Они радостно сообщили подруге, что сегодня к ним в гости приходят какие-то Устюжанины, и Юлька, ужаснувшись, попросилась переночевать у меня. Я и не возражала.

Дома мы посмотрели подряд несколько серий «Как избежать наказания за убийство». Вернувшаяся бабушка накормила нас домашним борщом, а затем снова засобиравшись к подруге, которая жила в нашем подъезде на первом этаже.

Раньше они только раскладывали пасьянсы, а теперь вот pokerом увлеклись...

– Бабуля, надеюсь, вы там не на пенсию рубитесь? – нахмурилась я.

Бабушка ничего не ответила. И лицо у нее при этом было невозмутимое.

– Ба, ты чего молчишь? – удивилась я.

– А это, Роня, называется «покэрфейс»! – пояснила мне бабуля.

Я не сразу нашлась что ответить. А Юлька зашла от хохота. Она всегда восхищается моей бабушкой.

Вечером нам с Юлькой надоело торчать дома и мы решили отправиться в торговый центр, который находился в квартале от дома. Благо удалось феном просушить пуховик, и я снова могла облачиться в свою обычную одежду. Мамину ушанку от греха подальше убрала обратно на антресоли.

На улице было не так холодно, как утром, но деревья по-прежнему сверкали от инея. В свете желтых фонарей мельтешили снежинки. Юлька держала меня под руку и ворчала по поводу того, как ей надоела зима. Хотя, откровенно говоря, настоящая зима началась только сейчас, в конце января. Я с упоением вдыхала холодный чистый воздух.

Утренние позорные события мы больше не вспоминали. Болтали о всякой чепухе. Например о том, как провести предстоящие каникулы. Лично я планировала отсыпаться и целыми днями смотреть сериалы. Но у Юли были другие

планы. Подруга уже удумала взять меня с собой и Веником кататься на лыжах.

– Там есть трасса для таких дилетантов, как ты, – сообщила Юля. – В лыжах ведь главное что?

– Что?

– Правильная техника и хороший инструктор...

Внезапно Адамова резко затормозила. Пришлось и мне остановиться. Я ошарашенно завертела головой. Неужели где-то снова поблизости гуляет Денис Мороз? Это было бы просто невероятным совпадением! Второй раз я подобного не переживу.

– Не может быть! – ахнула Юлька.

– Что случилось? – запаниковала я. – Кого ты опять увидела?

– Это не твоя подопечная?

Я проследила за взглядом Юли. Рядом с красивым рестораном «Пташка» у подсвеченной витрины стояла Агния.

– Она. И что с того? – не понимала я.

– Тебя не смущает ее спутник?

– Спутник?

Я даже не поняла, что тот седовласый мужчина, куривший неподалеку, и есть спутник Агнии. Благодаря местной прес-се все прекрасно знали, как выглядит муж Светланы Леманн.

– Это ведь не ее отчим. – Юля будто прочитала мои мысли. – Отец?

Я покачала головой.

– Ее отец в Питере живет. И они вроде как совсем не общаются, – нехотя сказала я.

Агния редко делилась со мной личным. Однажды бабушка все-таки пригласила ее за стол и расспрашивала про семью. Мне было так неудобно!

Юлька зачем-то отвела меня под козырек Макдоналдса, из которого то и дело выходили крикливые школьники и задевали нас плечами. Мы заняли наблюдательную позицию и принялись следить за Агнией и седым. Тот докурил, бросил окурок в урну и что-то сказал Леманн. Агния в ответ заулыбалась. Да и вообще она будто светилась от счастья. Смурная и не слишком приветливая обычно... Сейчас я ее не узнавала.

– На фига мы тут стоим? – сердито спросила я, когда один из подростков, выскочивший на улицу, едва не сбил меня с ног. Шпионить за Агнией, если честно, было не очень приятно. Но вопрос мой был риторическим. Юлька – самый любопытный человек на планете. Кто с кем встречается, кто на ком женится, кто кого бросил... Она следила за всеми! Иногда огорошивала меня такими новостями, что я еле припоминала, о ком вообще идет речь. «Ты сейчас умрешь! Золотова изменила Винокурову с этим... Лево́й с философского». Я долго соображала, что Золотова – дальняя родственница нашего декана, Винокуров, оказывается, завидный жених с экономического («И как ты, Роня, этого не знала?»), а Лева с философского в прошлом году был «мистером Уни-

верситет».

– Точно ее хахаль! – проигнорировав мой вопрос, воскликнула Юля.

– Да ну, – запротестовала я. – Он же лет на тридцать ее старше.

– Ну и что? Любви все возрасты покорны.

Я еще раз с сомнением осмотрела седого мужика. Он даже не был симпатичным! Это, конечно, не Джордж Клуни... Но то, как широко улыбалась ему Агния, сбивало с толку.

– Смотри, под локоток ее взял. В ресторан повел. Ой, не могу! Нет, ты скажи, ну для чего это молодой девчонке? Она ж не из бедных!..

Я промолчала. Мужик тем временем распахнул перед Агнией стеклянные двери ресторана, а затем и сам зашел внутрь. Нам с Юлькой в такое заведение попасть не светит. Наш удел – Макдоналдс за спиной. Но как бы сказала сейчас Юлька: «Подумаешь! Не очень-то и хотелось!»

Мы снова пошли по заснеженной яркой улочке в сторону торгового комплекса.

– Мне Галя с первого курса рассказывала, что Агния в контрах с отчимом. Вроде он даже в свое царское наследство ее не вписывает, хотя других детей у него нет. Как думаешь, это правда?

– Не знаю, мы такое не обсуждали, – сухо ответила я.

– Ну, знаешь, если он после ссоры лишит вдруг ее содержания, то тут даже все очевидно, – продолжила размышлять

Юлька. — Когда ты привыкла жить на широкую ногу, трудно падать с небес на землю. Там, наверное, такие запросики...

— Все, Юль, прекрати, — поморщилась я. Обычно мне было все равно на подобную болтовню Адамовой, но сейчас почему-то стало неприятно. И видеть Агнию с этим старым мужиком — тоже.

Юля удивленно подняла на меня глаза, но все-таки перевела разговор на другую тему. Я не питала большой симпатии к Леманн и если поначалу тоже считала ее стервой, то, узнав немного ближе, изменила свое мнение. Все чаще у меня складывалось впечатление, что Агния очень одинока, а сердце ее иссечено горькими обидами.

Агния

Меня душило волнение, оттого и кусок в горло не лез. Я вяло ковыряла вилкой салат и все ждала, когда дядя Костя покончит с ужином. Изредка поглядывала на него и тут же опускала глаза. Зачем он выбрал этот ресторан? Здесь часто проводят время друзья отчима, и если нас кто-то увидит... Я осторожно огляделась, но до нас никому не было дела. В конце концов, где еще мог поужинать дядя Костя? Не в соседний же «Мак» нам идти.

– Отец тебе хоть иногда звонит? – орудуя вилкой и ножом, спросил дядя Костя.

Я только поджала губы и покачала головой. Дядя Костя неодобрительно дернул плечом и снова принялся за стейк.

– И даже не пишет?

– Нет, – ответила я, прочистив горло.

– Ну... а деньги?

– Мне уже есть восемнадцать. Не нужны мне от него деньги. Тем более отчим не жалеет.

Дядя Костя странно ухмыльнулся, а затем пригубил красное вино.

– У твоего отца сейчас на работе неприятности. И в финансовом плане кирдык. Ты уж не обижайся на старика.

– Значит, с тобой он созванивается? – сухо спросила я. Нет, я не горела желанием пообщаться с папой. Разговари-

вали мы с ним редко и преимущественно ни о чем. Натянуто, какими-то общими пустыми фразами. Как совершенно чужие друг другу люди. И наверное, после того как оба клали трубки, выдыхали с облегчением. Даже дядя Костя, мой крестный, знал обо мне больше, чем родной отец. Хотя и с ним мы в последний раз виделись пару лет назад. Но он совсем не удивился, когда я позвонила ему в ноябре и обратилась со своей просьбой...

– Рисуешь? – спросил вдруг дядя Костя.

– Рисую, – кивнула я.

– И не передумала уезжать?

Вопрос застал врасплох. Я как-то обмолвилась о переезде между делом, а дядя Костя запомнил. Я неуверенно улыбнулась и пожала плечами.

– Вообще-то хотелось бы уехать.

– А мать до сих пор не в курсе?

Тут уже я нахмурилась.

– Мы не для того здесь собрались, чтобы обсуждать мой отъезд и рисунки.

Дядя Костя снова рассмеялся.

– Да, конечно, ты права.

Крестный полез в карман пиджака и достал смартфон. Разблокировал его, открыл фото пленку и протянул мне телефон.

– Вот. Листай влево. А я пока доем.

Я принялась жадно вглядываться в открытую фотогра-

фию. На ней была запечатлена высокая темноволосая девушка. Вот она в сумерках выходит из подъезда с каким-то мешком в руках. Следующее фото – у черного «Фольксваген Пассат». Я увеличила изображение, но разглядеть черты лица так и не смогла. Судя по стройной, подтянутой фигуре, девушка была совсем молодой.

– И кто она? – хриплым от волнения голосом спросила я. Они вышли... Они все-таки на нее вышли! Я знала, что у отчима снова появился кто-то на стороне.

– Мой человек пока только адрес ее засек. Здорово же шифруется твой старик.

– Он не мой! – тут же вспылила я.

– Да, да, прости, не так выразился. В общем, к девице этой не подберешься. Мы два месяца за ним следили, прежде чем твой отчим нас на нее вывел. Может, они работают вместе и в офисе встречаются, это, к сожалению, выяснить не так просто. У них пропускной режим.

– Как ее зовут?

– Этого мы пока не знаем.

Я снова нахмурилась. Дядя Костя рассмеялся:

– Ты сама настаивала на встрече. Я предупреждал, что пока не могу тебе предоставить все, что нужно.

– Ну а фото? Есть их совместные фото? Я что, подсуну маме фотку этой девки с мусорным мешком в руках? – кипятилась я.

После всех моих надоедливых смс дядя Костя сообщил

наконец, что у него появились для меня отличные новости. Дело, за которое он согласился взяться, сдвинулось с мертвой точки. А ведь поначалу он твердил мне, что если у отчима кто-то и есть, то доказать связь будет непросто. Столько лет дурить мою маму...

– Агния, успокойся, – поморщился крестный. – Ты по-
решь горячку. Мой человек пока узнал адрес, узнает и все
остальное. Не торопи события.

На дядю Костю в его частном детективном агентстве ра-
ботали бывшие следаки. Сам крестный до выхода на пенсию
занимал солидную должность в правоохранительных орга-
нах.

Я с кислым выражением лица продолжала разглядывать
фотографию девицы у черного «Пассата».

– Есть еще кое-что, – загадочно произнес дядя Костя.

– Что? – устало спросила я.

– Ты дальше листала? Нет? Листай, листай...

Следующее фото было сделано уже днем. Девица снова
стояла спиной у машины и пристегивала в детском автокрес-
ле мальчика в синем комбинезоне.

– Чей это ребенок? – не поняла я. – Это ее ребенок?

А потом меня вдруг осенило:

– Это их ребенок, да, дядя Кость? У него целая семья на
стороне?

Я разволновалась. Теперь мама точно захочет от него уй-
ти. Если у меня на руках будут неоспоримые доказательства,

она не сможет больше юлить и выгораживать его. Теперь уж мне было совсем не до салата. Я отодвинула от себя тарелку. Как замечательно! Какие перспективы. Я могу не только разрушить брак мамы и отчима, но еще и репутацию идеального семьянина подпортить. Если он не будет отпускать маму, я пригрожу, что отдам снимки в местную прессу... Вот только узнаю об этой брюнетке побольше.

– В тот день, когда мой человек вышел на ее адрес, твой отчим взял с собой большую коробку «Лего» и мягкого белого медведя. Вряд ли бы он подарил игрушки чужому ребенку. Но кто его знает...

Сердце екнуло. Белого медведя отчим когда-то дарил и мне. Давно, когда еще только ухаживал за мамой. Вкусы к игрушкам у него не изменились. Но ведь я была для него чужим ребенком. Хотя почему же была? Я чужой ребенок и есть.

– Когда будут совместные фотографии? Мне нужно знать о его второй семье все! Сколько ей лет, где они познакомились, когда началась их связь, как часто они встречаются...

Я принялась загигать пальцы. Дядя Костя снова жевал стейк и только кивал.

– Я понял тебя. Только быстро все узнать не получится. У моего человека это дело не в приоритете. Мы и так занимаемся твоим отчимом из альтруизма. Потому что ты попросила. И если кто-то из твоих родителей узнает...

– Никто не узнает, – отрезала я. – Им неинтересно, как я

провожу время.

Дядя Костя перестал жевать и внимательно посмотрел на меня. Я почувствовала себя неуютно под этим взглядом.

– Слушай, а может, ты все-таки уже забудешь на это? Ну, нравится ей мучить себя... Иначе бы она столько это терпела?

– Нет, дядя Костя, сейчас происходит кое-что, с чем я уже не могу смириться. Если я ее не увезу, будет только хуже.

Дядя Костя тяжело вздохнул и перевел разговор на другую тему. Я поддерживала беседу, но сама словно была не здесь. Из головы все не выходила эта девушка на «Пассате».

В субботу в ресторане было много народа, за соседним столиком расположилась шумная компания, и чужой громкий смех постоянно перебивал мои мысли. В конце концов от хохота, музыки и звона посуды разболелась голова, и я, извинившись, засобиралась домой.

На свежем воздухе мне быстро полегчало. Снова пошел снег. Крупные хлопья несло ветром прямо в лицо. Слизнув холодные снежинки с губ, я побрела к остановке.

Звонить маминему водителю нельзя. Родительница может привязаться с расспросами, что я делала вечером в этом районе. Я уже решила вызвать такси, но тут увидела, как к остановке подъезжает автобус, еще с Нового года украшенный гирляндой. Не знаю, зачем я понеслась к нему на шпильках... Будто от этого автобуса зависела моя судьба. Сто лет не ездила в общественном транспорте и, если честно, просто

ненавидела его. А тут с непреодолимой силой меня тянуло к этой несчастной остановке...

Места, разумеется, были заняты. Расплатившись на входе, я протиснулась чуть вперед и ухватилась за поручень. Странно, что автобус так переполнен вечером в субботу... В кармане дубленки завибрировал телефон. Я негромко выругалась под нос и полезла за смартфоном, припомнив, что в общественном транспорте нередки кражи. Господи, как же неудобно! Крепко держась одной рукой за поручень, мне все-таки удалось выудить из кармана телефон. На экране вспыхнуло сообщение с незнакомого номера:

«Привет! Это Денис. Твой номер дал мне мой отец. Если не возражаешь, могли бы пообедать где-нибудь в центре в пятницу. Я за тобой заеду».

Я усмехнулась. Интересно, а сам он в восторге от идеи такого неприкрытого сватовства? Или его тоже предки взяли в тиски? Мало ли, может, не только в моей семье шантаж — дело вполне привычное.

Тут же следом прилетело сообщение от отчима:

«Тебе должен написать Денис. Будь вежлива. Без твоих выкрутасов».

Отчиму я ничего не ответила, а вот Денису быстро написала: «Хорошо. Ближе к пятнице договоримся о времени и месте».

Боюсь, что без «моих выкрутасов» здесь не обойтись...

Автобус резко затормозил, и я едва не уткнулась носом в

спину мужчине в черной куртке с глупой надписью. Я убрала телефон в карман дубленки и принялась рассматривать пассажиров. Внезапно мой взгляд наткнулся на высокого плечистого парня. Темные короткие волосы, карие глаза, нос с едва заметной горбинкой... Симпатичный. Парень слушал музыку в беспроводных наушниках и, казалось, не обращал ни на кого внимания, задумчиво глядя перед собой. А вот я уже слишком долго разглядывала его лицо, поэтому быстро отвернулась. Снова уставилась в спину мужика, на куртке которого было написано: «Я не обязан тебе нравиться».

Телефон завибрировал. Пришлось еще раз лезть за ним в карман. Опять этот Денис! «До встречи!» Вот приставучий тип. Не будь я в таком безвыходном положении, послала бы своего отчима куда подальше. Но Дениса тема сватовства, похоже, совсем не смутила. Наоборот, все пишет. А если он в жизни жуткий зануда? Кривой, косой, изо рта пахнет... Конечно, такой уцепится за любую возможность познакомиться с девчонкой. Кошмар, во что втягивает меня отчим? Хотя ему все равно. Может, этот Денис не то что зануда, а маньяк какой-нибудь! Но моей семье плевать, потому что Дениска – идеальная кандидатура для того, чтобы процветал бизнес. В который раз я почувствовала разрастающуюся внутри злость. Почему я должна в этом участвовать?

Я снова перевела взгляд на брюнета. Заметила татуировку на шее, видневшуюся из-за черного капюшона толстовки. В автобусе было такое тусклое освещение, что я, разумеется,

не могла рассмотреть, что именно набил себе парень. Вот он поправил один из наушников, и я заметила еще одну татуировку на кисти. Я улыбнулась. Интересно, а что бы сказал мой горячо любимый отчим, если б вместо этого вылизанного Дениса из Англии я привела домой татуированного красавчика?.. О-о, он бы был в бешенстве. Вряд ли этот паренек из автобуса мог повлиять на наш семейный бизнес...

Брюнет наконец будто почувствовал на себе чужой любопытный взгляд и повернулся в мою сторону. Мы встретились глазами, и я тут же страшно смутилась, что на меня, кстати, непохоже. Пospешно отвела взгляд. Простояв с минуту и рассматривая белую надпись «Я не обязан тебе нравиться», снова осторожно выглянула из-за плеча мужика. Я бы и рада была больше не пялиться на того парня, но это было выше моих сил. А брюнет тем временем и не думал отводить взгляд. Теперь он смотрел на меня, да так нагло, что в жар бросило. Почти не моргая, мы ехали в переполненном автобусе и смотрели друг на друга, пока в какой-то момент парень не решил мне насмешливо подмигнуть. Стало так душно, что я попятилась к выходу, наступив на ногу какой-то девчонке.

– Блин, осторожнее! – недовольно пискнула она.

– Извините.

Я подошла к передней двери, ожидая свою остановку. Снова обернулась и попыталась разглядеть брюнета. Тот провожал меня все тем же насмешливым и любопытным

взглядом. На секунду я подумала: а что, если он вдруг решит выйти вместе со мной? Что бы я тогда делала? Но как только я оказалась на улице, дверцы за мной тут же захлопнулись. Из автобуса выскочила только та девчонка, которой я наступила на ногу. А меня постигло страшное разочарование. Разукрашенный желтыми гирляндами автобус поехал дальше.

Я вдохнула морозный воздух. Щеки горели. После такой игры в «переглядки» мне не мешало охладиться.

Я шла по скверу, наступая на черные длинные тени от деревьев, расплзшиеся по снегу. С неба продолжали сыпаться крупные белые хлопья, которые, попадая на мое разгоряченное лицо, тут же таяли. Я остановилась посреди пустого сквера и, запрокинув голову и закрыв глаза, рассмеялась. Что это было вообще? Наваждение какое-то...

Роня

Выходные определенно не задались. Все норовили поднять меня с утра пораньше. Вчера Юлька заставила переться к корпусу химфака, сегодня вот бабушка не давала покоя... Сначала она несколько раз заглядывала в комнату и предлагала с ней позавтракать, тем самым растрясла весь сон... А ведь мне снился Денис. И там, в сновидениях, я не была той растяпой, которая в ушанке повалила парня в сугроб. Наоборот, я предстала перед Морозом в потрясающем вечернем платье. И мы ужинали в «Пташке» за столиком у большого панорамного окна. На столе горели свечи, а на улице тихо падал снег...

Все-таки приняв настойчивое приглашение на завтрак от бабушки, я снова зажмурила глаза, в надежде снова отыскать в своем сне «Пташку» и Дениса. Но в этот момент зазвонил телефон. На сей раз это была Агния. Леманн спросила, есть ли у меня планы на вечер и может ли она забежать ко мне на консультацию перед своим последним экзаменом.

– Да, конечно, заходи, – вяло отозвалась я, потирая глаза. Тут же вспомнила, как вчера мы с Юлей встретили Агнию на улице с подозрительного вида мужчиной. Конечно, ничего особо подозрительного в том седовласом не было, он вполне мог оказаться родственником Леманн, но Юлька своими интригами так накрутила меня, что эта встреча поче-

му-то никак не выходила из моей головы.

Всякий раз, когда Агния появлялась в нашей квартире, я понимала, насколько она не вписывается в мой образ жизни. Всегда с безупречной укладкой, в черной водолазке и строгих брюках, она выглядела инородной частицей в моей комнате с яркими цветными обоями. Я никогда не была в гостях у Агнии, но мне думалось, что ее дом похож на Версальский дворец. И вообще было интересно хоть одним глазком глянуть на то, что окружает Леманн в повседневной жизни.

Все, что касалось Агнии, мне почему-то всегда казалось таинственным и притягательным. Быть может, это из-за ее мамы, которую я считала настоящим эталоном красоты и женственности. Признаться, так хотелось узнать о семье Леманн немного больше. Но Агния всегда была неразговорчивой, оттого иногда действительно могло сложиться впечатление, что она заносчива. Или же Агния просто скрывает какую-то тайну, но вот какую... Ее мне вряд ли удастся когда-нибудь разгадать.

Однако в это воскресенье Агния явилась ко мне раскрасневшаяся с мороза и непривычно улыбчивая.

– Вот тапочки, – подопнула я домашние клетчатые тапки.

– А эти? – взгляд Агнии упал на тапочки, в которых я выходила выбрасывать мусор. Они были совсем старыми и с прогрызенными носами.

– Эти мои. – Почему-то я страшно смутилась. – Вообще раньше эти тапки были обычными, но летом я приносила до-

мой щенка на передержку. Лабрадора. И он решил, что с открытыми носами эти тапочки будут смотреться эффектнее.

И почему я не выбросила их? Нет же, ношу до сих пор. Представить не могу, чтобы Агния разгуливала по дому в рваных тапках.

Из комнаты вальяжной походкой вышел Малыш. Обнюхав сапожки Агнии, потерся о ноги девушки. Леманн нагнулась и осторожно погладила кота.

– А он как к лабрадору отнесся?

– Сначала, конечно, испугался. Пару часов под столом просидел, а потом они даже подружились. Подозреваю, что это именно Малыш натравил щенка на мои тапки. Из вредности.

Неожиданно мой рассказ про шkodливого щенка развеселил Агнию, и она звонко рассмеялась. Я улыбнулась в ответ – уж больно смех Леманн оказался заразительным. Я его, кстати, впервые услышала. В коридор выглянула бабушка.

– Агния, здравствуй!

– Здравствуйте, – все еще широко улыбаясь, кивнула Агния.

– Ты как раз к чаю.

– Ба, у нас занятия, – предупредила я.

– Давайте-давайте, я пирожок испекла с капустой. Ронечка, ничего не знаю, ты тоже весь день толком не ела.

Пришлось идти на кухню. От бабушкиного гостеприимства я порой не знала куда себя деть. И снова Агния показа-

лась мне чужой на нашей старой тесной кухоньке. Бабушка помимо «пирожка» поставила на стол еще и фаршированные грибочки. Агния растерялась.

– Бабушка, ну зачем? – взывала я.

– Мозги надо подпитывать, – ответила ба. – Агния, тебе чай, кофе?..

Где чай, там и хрустальная вазочка с конфетами. На удивление Агния с таким аппетитом уминала все, что ставила перед нами бабушка, что я снова пребывала в растерянности. Обычно Леманн отказывалась даже от чашки чая. Правда, беседу с бабушкой все равно поддерживала вяло, явно витая где-то в своих мыслях.

Когда мы наконец зашли в мою комнату и разложили на диване учебники и тетради, я спросила:

– Ну, как твои экзамены?

– Все тройки, – беспечно ответила Агния.

– Тройки – это плохо, – удрученно покачала я головой, чувствуя себя никудышным учителем. – Почему тройки? Мы вроде с тобой столько занимались...

– Но сейчас мне нужна четверка. А лучше – пятерка, – заявила Агния, беря в руки один из моих конспектов за первый курс.

– Хороший настрой, – хмыкнула я, скрестив руки на груди. – Боевой.

– Ага, – с загадочным видом отозвалась Агния. – О-очень хочу любимого отчима порадовать своей успеваемостью.

В ее голосе было столько яда и неискренности, мне даже не по себе стало. На протяжении часа, что мы разбирали вопросы к экзамену, Агния, как обычно, витала в облаках. Отвечала невпопад, несколько раз заглядывала в телефон, загадочно улыбалась. Может, влюбилась?... Я снова вспомнила про седого мужика у дорогого ресторана и нахмурилась.

– Ты даже на тройку сдать не сможешь, – наконец сказала я, прервав лекцию и отодвинув в сторону учебник. – Агния, что с тобой сегодня?

Выражение лица Агнии сначала сделалось страдальческим, потом задумчивым. А затем Леманн вдруг озорно мне улыбнулась:

- Ты права, все эти формулы в голову не лезут.
- Оно и видно, – проворчала я, убирая тетрадь.
- Понимаешь, у меня в пятницу свидание.
- Очень за тебя рада, конечно, но экзамен...
- Ты не знаешь, как можно побыстрее отделаться от парня? – вдруг спросила Агния.

Я удивилась. Раньше мы не разговаривали на тему парней. С чего это она решила теперь обсудить со мной свое предстоящее свидание? Больше не с кем, что ли? Но судя по тому, как Агния принялась нервно натягивать рукава черной водолазки на ладони, вопрос этот ее очень волновал. Похоже, сейчас ей необходимо было с кем-то всем этим поделиться.

– А зачем тебе от него отделяться? Он страшный? Или... – я замялась. – Или старый?

– Да нет, молодой. И очень даже симпатичный, как выяснилось. Я его тут в инсте нашла.

В этот момент в дверь постучала бабушка. Она зашла в комнату с подносом, на котором стояли две чашки чая и слоеные сладкие треугольники.

– Ба, ну ты нам мешаешь, – рассердилась я, принимая из рук бабушки поднос. Лучше б она сегодня в покер ушла играть, ей-богу.

– Треугольнички только что из духовки, – пропустив мимо ушей мои ворчания, сообщила Агнии бабушка.

Леманн в ответ только вежливо кивнула.

– Думаю, Агния не ест столько мучного, – пробормотала я, оглядывая ее стройную фигуру.

– Почему же? Ем, спасибо, – отозвалась Агния.

– Ладно, не буду вам мешать, – загадочно проговорила бабушка, оглядывая на диване закрытые тетради и учебники. – Занимаетесь? Или мальчишек обсуждаете?

– Ба, ну каких мальчишек, мы к экзамену готовимся! – возразила я, а сама предательски покраснела. Потому что, удивительное дело, мы с Агнией действительно впервые заговорили на стороннюю тему – тему парней. А еще я была заинтригована, что же это за симпатичный молодой человек, которого решила вдруг отбрить Леманн.

Когда бабушка вышла из комнаты, про предстоящий экзамен мы окончательно забыли. Развалились на диване и, приподнявшись на локтях и болтая ногами, ели бабушкины тре-

угольники. Агния достала айфон.

– Разве ты есть в Инстаграме? – вырвалось у меня. Мы с Юлькой как-то ради интереса пытались отыскать Леманн в соцсетях, но девушка явно не зависала ни на каких страницах.

– Конечно, есть, – дернула плечом Агния. – Только у меня аккаунт закрытый. Не нужна мне эта ярмарка тщеславия. Сейчас...

Увидев аватарку в закрытом аккаунте Агнии, я не смогла сдержать смехок. В «кружочке» красовалась Кортни Гриплинг – самая популярная девочка школы из мультсериала «Как говорит Джинджер».

– Что смешного? – не поняла Агния.

– Просто... очень похоже, – призналась я.

Да это же стопроцентное попадание!

– Вернее, вылитая ты!

– Ладно, допустим. Вот, смотри... Это он. – Агния снова откусила над тарелкой слоеный треугольник и протянула мне свой телефон.

Улыбка тут же исчезла с моего лица, потому как этот профиль я отлично знала. Не ранее как вчера я провела в нем целый вечер. После той морозной прогулки, когда я свалилась на парня своей мечты – Дениса...

– Богатый мальчик, сынок партнера отчима по бизнесу, – пояснила Агния. – Учился в Англии, а после зачем-то вернулся на родину... В нашу дыру. Симпатичный.

– Симпатичный, – сглотив, согласилась я.

– Но наверняка заносчивый. Выпендрейник, – вынесла вердикт Агния, продолжая жевать. – Я таких типов насквозь вижу. И терпеть их не могу.

– Он не выпендрейник! – возразила я. Получилось слишком экспрессивно.

Агния перестала жевать и посмотрела на меня с интересом:

– Так вы знакомы?

– Нет, конечно, – принялась отнекиваться я. – Откуда? Просто по фотографиям он не производит такого впечатления.

На фото Денис был улыбочивым. И снова хоть сейчас на обложку журнала. Настоящая модельная внешность. Значит, у Агнии и Дениса должно быть свидание... У меня же сердце упало. Однако Агния не заметила перемены моего настроения и беспечно продолжила:

– Отчим решил, что мы должны встречаться. А самое ужасное – я не могу отказаться.

– Почему?

Агния замялась.

– Таковы условия. Но ничего, я устрою такую свиданку, что этот парень сам от меня сбежит, сверкая пятками.

– А если он тебе понравится? – с волнением в голосе спросила я. – Сама ведь сказала, что он красавчик.

– Да будь там хоть Том Харди, я бы в угоду отчиму и с

ним не встречалась, – отрезала Агния. На секунду ее красивое лицо исказила злоба. – Это дело принципа. Я не кукла и не разменная монета. Неужели отчим этого не понимает? В общем, мне нужно отделаться от этого парня. Только я еще не придумала как. Но у меня есть время до пятницы над этим подумать. Треугольники офигенные, кстати. Спасибо бабушке...

Когда Агния ушла, я задумалась над тем, как все-таки несправедлив этот мир. Почему одним достается все – талант, красота, богатство, уверенность в себе. Даже парень мечты плывет к ним прямо в ручки, а они нос воротят. А другим приходится ходить в тапках с погрызенными щенком носами и по вечерам мелодрамы смотреть в одиночестве.

Ужинали мы с бабушкой под вечерний выпуск новостей. Ба охала и ахала практически над каждым сюжетом, в то время как я с задумчивым видом пила чай и поглядывала в черное окно, за которым бесилась выюга.

Наконец бабушка обратила на меня внимание:

– Ронечка, а ты почему такая кислая сидишь, будто ежа проглотила?

Пришлось поделиться с ба своими мыслями на тему «Почему одним достается все, а другим – кукиш с маслом».

– Со стороны вообще кажется, что у идеальной Агнии идеальная жизнь, – заключила я. – Только знаешь, бабуль, я думаю, что все это напускное.

– Знаешь, может быть, ты и права, – задумчиво прогово-

рила бабушка. – Помню, давным-давно сериал такой шел по телевизору – «Богатые тоже плачут». Не стоит завидовать, Ронечка. Говорят же: счастье любит тишину. Только у людей нередко есть причины и о несчастье молчать.

Агния

Вы когда-нибудь задумывались о том, насколько хрупкая ваша мечта? Она не прочнее хрустальной вазы и может в любой момент разбиться вдребезги, осколками вонзившись в ребра. Туда, где ваше сердце.

Раньше у меня была одна мечта. От нее веяло холодным льдом. Она даже имела звук – громкую музыку и шум оваций. А потом в один из дней все закончилось. Резко, очень больно, с чернотой в глазах и с сильным головокружением. И в том, что произошло, виновата только я. Я сама разбила хрустальную вазу, шандарахнув ее с силой о бетонный пол.

Новую же мечту я тщательно оберегаю и стараюсь особо о ней не распространяться. Прячу «вазу» подальше от чужих глаз и сама отношусь к ней с особым трепетом. Не хочу снова совершить ошибку. После случившегося еще страшнее думать, что все может быстро закончиться, так и не успев начаться.

С травмой, ставшей больше душевной, чем физической, мне помогла справиться Надя – мамина подруга детства. Хотя, казалось бы, что лучше всего меня должна понимать мать, ведь ей тоже когда-то пришлось оставить лед по той же причине. Маме бросать спорт было даже в разы тяжелее, ведь она преуспела в фигурном катании намного больше, чем я. Но родительница почему-то не находила нужных слов для

утешения и поддержки. Она только плакала днями и ночами, чем совсем не помогала моему восстановлению. У отца к тому времени давно была новая семья и новая жизнь в другом городе. А отчиму всегда было плевать на мое душевное состояние.

Свое спасение я нашла в рисовании. Надя, известная в нашем городе художница, сказала, что это отличная терапия. Сначала она приносила в палату альбомы и карандаши, чтобы мне было чем заняться. Но, посмотрев на мои рисунки, отметила потенциал и сказала, что мне, несомненно, нужно развиваться в этом направлении. Дальше – больше. Энциклопедии по изобразительному искусству, Надины лекции, советы... Новые альбомы, новые карандаши, акварель, пастель, акрил, гуашь, темпера, уголь, масло... Сколько нового и неизведанного мне предстояло постичь!

Из-за травмы мне долгое время нельзя было передвигаться, но вскоре меня это уже почти не омрачало. Я была поглощена, могла рисовать часами. Надя пообещала, что поможет мне поступить в художественную школу, раз уж в спорт мне больше не вернуться. Моя же семья считала, что это просто блажь. Когда-нибудь я это перерасту.

Позже, окончательно поправившись, я, школьницей, приходила к Наде на работу. Она преподавала в местном художественном училище. И именно тогда у меня появилась новая мечта. Сначала о ней не знал никто, кроме Нади. Только она поддержала идею о поступлении. В семье к моему жела-

нию отнеслись холодно. Мама и отчим едва не разбили вторую «хрустальную вазу». В старших классах, когда я поделилась своими планами, никто не захотел поддержать и помочь осуществить мою мечту. Отчим уже давно выбрал для меня подходящий, по его мнению, университет. Мама тогда, как обычно, встала на его сторону, тем самым доведя меня до бешенства.

Спустя полгода учебы на неинтересной специальности мне так все это осточертело, что я решила снова достать «вазу» на свет. Надя меня поддержала. Она всегда верила в меня, а это важно – когда кто-нибудь в тебя по-настоящему верит и говорит, что обязательно все получится. Тогда тебе кажется, что ты можешь свернуть горы...

Сегодня я должна была снова заехать к Наде, которая помогала мне с будущим поступлением. Мама с самого утра была дома, и это значительно усложняло мой побег. Родительница может начать что-то подозревать, потому как к ее подруге я в последнее время стала заезжать слишком часто. Еще и на улице настоящий снежный коллапс. Я долго не могла вызвать такси. Никто из водителей не хотел ехать за город в наш коттеджный поселок. Заявку долго не принимали.

– Куда это ты собралась с утра пораньше? – удивилась мама, обнаружив меня уже одетой в коридоре. Она вышла из столовой с белой питающей маской на лице и стаканом виски в руке. Когда-то у нас с ней уже был неприятный разговор по поводу алкоголя, и мама тогда страшно разобиделась.

Сказала, что делает несколько глотков для тонуса и настроения. И вообще, за кого я ее принимаю? Она не напивается до беспамятства, не устраивает разборки...

– Не рановато ли? – все-таки не сдержавшись, поморщилась я и кивнула на бокал. На вопрос о своем «побеге» пока решила не отвечать.

Мама тоже не торопилась с ответом. Лишь поправила кремовый шелковый халат, который отлично гармонировал с молочными стенами и мраморными полами. Наш дом огромный, светлый, тихий, но, если честно, немного неуютный. Им занимался отчим, угрохав огромные деньги на дизайнеров. Я предпочитала больше времени проводить в саду или в комнате, которую обустроила на свой вкус.

– В универ нужно съездить, – сказала я, обуваясь. Натянув шапку, посмотрела в телефон. Таксисты так и не принимали мою заявку. Проклятье!

– В городе сейчас такие пробки из-за снегопада, – покачала головой мама. – Как ты отсюда выберешься? Я бы тебе одолжила Вячеслава, но у меня сегодня днем косметолог. Самой в город нужно съездить.

Мама залпом допила виски и поморщилась.

– Ой, да ладно тебе, не волнуйся, – с раздражением сказала я, недобро посматривая на пустой бокал, который мама теперь крутила в руках. Из-за этого «увлечения» скоро ей ни один косметолог не поможет. – Сама доберусь.

Мама не волновалась, не настаивала и больше не расспра-

шивала ни о чем. Иногда я даже радовалась, что ей фиолетово на то, как обстоят мои дела. Я всегда предоставлена сама себе. А это очень удобно.

С неба валил тяжелый густой снег. И когда уже все это прекратится? Меня вполне устраивала бесснежная зима. С горем пополам я добралась на автобусе до центра и там же планировала пересесть на другой маршрут. Тот самый, на котором я и встретила симпатичного парня. Вспомнив о нем, сердце как-то странно и незнакомо застучало. В ту минуту я бы сама ни за что не призналась себе, что иду на этот автобус лишь из-за брюнета с тату. В центре было намного легче вызвать такси или, в конце концов, поймать машину.

На остановке толпилось много народу, и я уже пожалела о своем намерении ехать на общественном транспорте. Один процент из ста, что я встречу того парня снова. Автобус опаздывал. Вокруг гудели машины, а снегопад так и не прекращался. Снег падал и падал, только почему-то больше не раздражал. Наоборот, казался каким-то сказочным и волшебным.

Когда наконец показался автобус, я страшно разволновалась. Глупо надеяться, что брюнет в это время снова поедет этим маршрутом, но вдруг... Да и отступать уже было некуда. Толпа на остановке буквально подхватила меня и понесла в автобус. Я тут же очутилась уже в середине салона и как ошалелая завертела головой, осматривая пассажиров. Но брюнета в автобусе не было. Я проклинала себя на чем свет

стоит. Вот дура! И чем я думала? Хорошо, что до Надиного дома всего несколько остановок. Когда автобус тронулся, я уставилась в разрисованное узорами окно. Мальчишка, сидевший рядом с ним, растапливал замерзшие «рисунки» дыханием. В одну из таких узорных щелочек я и разглядела на следующей остановке того самого парня. Тут же от волнения колени задрожали. Брюнет, оказавшись в автобусе, лениво окинул взглядом салон и, встретившись со мной глазами, улыбнулся. Боже! Он узнал! Он меня узнал! Сердце от волнения просто разрывалось. Я испугалась, что выдам себя с потрохами, поэтому улыбаться в ответ не стала. Парень тут же двинулся в мою сторону, а я быстро отвела взгляд и снова уставилась на узоры. Я сама не понимала, почему так разволновалась... Наверное, просто не думала, что понравившийся парень во второй раз окажется в этом же автобусе. Как говорится, молния два раза в одно место не бьет. Но меня снова пронзило.

Интересно, куда он едет? Работает или учится? Какие у него увлечения? Какая музыка сейчас играет в наушниках? Протискиваясь между сонными, мрачными пассажирами, парень наконец дошел до меня, встал рядом и как ни в чем не бывало взялся за поручень и тоже уставился в окно. Автобус резко дернулся, и я, качнувшись, задела брюнета локтем.

Меня охватило небывалое волнение. Я никогда не знакомилась в общественном транспорте. И сейчас мне хотелось,

чтобы этот парень со мной заговорил первым. Но он не торопился. Достал из внутреннего кармана расстегнутого пуховика телефон. Я, непроизвольно вытянув шею, взглянула на экран. Не разобрать, кто ему пишет... Парень тут же повернул голову и поймал мой заинтересованный взгляд. Телефон не убрал, а наоборот, демонстративно показал экран.

– Мама написала, – доверительно сообщил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.